

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

ИРИНА ДЫНИНА

18+

Хмурый город



Ночные твари тоже смертны

Ирина Дынина

**Хмурый город. Ночные
твари тоже смертны**

«Автор»

2021

Дынина И. В.

Хмурый город. Ночные твари тоже смертны / И. В. Дынина —
«Автор», 2021

Две девушки, собираясь на свидания, подумать не могли о тех неприятностях, что поджидают их обычным вечером ранней осени. Они-то планировали развлечься, но у их молодых людей, как выяснилось, были совершенно иные планы. Дальше – больше. События закрутились, как фильме ужасов – заброшенное здание, полное тайн, парочка маньяков, Нечто, злобное и голодное, живущее в подземелье и прочие приключения. Этой книгой открывается серия "Хмурый город". Роман читается, как отдельное произведение, но, продолжение возможно. В тексте присутствуют сцены насилия, табакокурения. 18+Содержит нецензурную брань.

© Дынина И. В., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1. Кое-что о родственниках, свиданиях и прочих семейных тайнах.	5
Глава 2 Глупое пари	26
Глава 3 Древний ужас	35
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Ирина Дынина

Хмурый город. Ночные твари тоже смертны

Глава 1. Кое-что о родственниках, свиданиях и прочих семейных тайнах.

– Я больше не стану встречаться с твоим разлюбленным Ольшанниковым! – возмущенно прокричала Каролина прямо в лицо, расстроенной ее упрямством, матери – Читай по губам – Не хочу и не буду! Девушка выражала свои мысли приглушенным шепотом – она опасалась, что шум, вызванный нелепой с ее точки зрения причиной, достигнет чутких ушей отца, спокойно почивавшего себе в зале, перед ночным дежурством в больнице, успешно совмещая крепкий сон и монотонный бубнеж телевизора.

– Но, почему? – совершенно искренне удивилась мама, так ничего и не пожелавшая понять – Кирилл – хороший мальчик, чуткий, добрый, из приличной семьи. Его родители в тебе души не чают.

– Ага! – издевательски хохотнула Каролина, выхватывая из рук матери чисто вымытую тарелку и начиная яростно тереть её широким льняным полотенцем – Все правильно, а еще ты забыла добавить, что Кирилл – порядочный, целеустремленный, обеспеченный и с квартирой в Каменске.

– Что в этом плохого? – мама, Наталья Евгеньевна, продолжала удивляться упрямству дочери – Квартира принадлежит его бабушке, а не Кириллу и, к тому же, он действительно такой хороший, как ты и сказала. Вы встречаетесь с первого курса, дружите, постоянно ходите в гости друг к другу. И папа не против ваших встреч – ему парень нравится. Кирилл приезжает к тебе из города на самую окраину, а ведь мальчик, помимо учебы, еще и работает, хотя мог бы преспокойно лежать на диване и бить баклуши!

– Тоже мне, работа! – возмутилась Каролина из которой так и лезли отрицательные эмоции – Сиди и всю ночь ломай глаза о тупой телевизор! Охранник, блин!

– Любая работа – почетна. К тому же, Кирилла никто пинками не гнал. Он сам изъявил желание поправить свое материальное положение и помочь родителям. Они у него вовсе не миллионеры. – Наталья Евгеньевна уже почти успокоилась, продолжая шустро сгребать со стола грязную посуду и подсовывать ее дочери для мытья – Тебя же все устраивало! Ты дорожила вашими отношениями. Еще неделю назад вы сидели на лавочке во дворе и целовались! И не надо отрицать! – мама шутливо погрозила дочери грязным половником – Я видела вас с балкона!

– Вот именно! – Каролина, обвиняющее ткнула указательным пальцем в столешницу. – Устраивало, сидели, ходили... Теперь – не устраивает! Я решила начать новую жизнь, без твоего положительного Кирилла! – девушка возмущенно фыркнула, вспомнив слова матери – Ты опять подсматривала! – Каролина яростно тряхнула густыми кудрями насыщенного черного цвета, такой обычно на упаковке краски обозначен как «иссиня-черный», прихваченными сбоку симпатичными заколками – «крабиками» – Хочешь и дальше полностью контролировать мою жизнь, словно я сопливая пятиклашка? Не получится! Может быть, ты, мамочка, не заметила, но девочка, то есть, я – выросла и желает быть *самостоятельной*!!

– Ничего не подсматривала! – мама пожала плечами и поправила сползшую с плеча лямку сарафана – Просто вышла, цветы полить, самостоятельная ты моя!

– Вечером? – уточнила Каролина, прекрасно зная о привычке матери поливать цветы рано утром перед уходом на работу – Цветы? На балконе?

– Что в том особенного? – мама держалась спокойно, как удав, даже бровью не повела – Забыла утром полить, побрызгала вечером. В чем, проблема-то?

– В Олышанникове! – вновь озлилась Каролина – Встретаться с ним больше не буду! Не хочу!

– Не ори на мать! – от голоса Натальи Евгеньевны повеяло зимней прохладой, грозящей перейти в арктический холод и Каролина, спохватившись, слегка остыла, примороженная этим самым холодом. Мама иногда умела так смотреть и произносить слова, что становилось не по себе не только дочери, но и отцу, а он, между прочим, врач – хирург с большим стажем работы и его не так-то просто смутить. У мамы, вот, получалось. Но обычно, она была мягкой и покладистой, не прекослова своему мужу.

– Он сильно провинился? – мама смотрела на злящуюся Каролину спокойным взглядом своих теплых, карих глаз – Он тебе, что, нахамил? Сделал непристойное предложение? Изменил?

Каролина замолчала, зло, покусывая губы.

Она была симпатичной девушкой, высокой, стройной жгучей брюнеткой цыганского типа, с глазами глубокого черного цвета, смуглокожей и тонкокостной. Не красавица, конечно, не фотомодель, но мальчикам нравилась, хотя мама говорила, что рано ей еще думать о мальчиках серьезно, а вот думать об учебе ей никто не запрещает.

Сашка же, подруга Каролины, утверждала, что наоборот – о мальчиках думать нужно и можно и возраст в этом вопросе, не самое главное. О мальчиках, по словам той же Саши, нужно начинать думать еще с ясельной группы детского сада, а тот, кто считает иначе, тот просто ничего не понимает в жизни и ее обстоятельствах.

– Скучный он, твой Кирилл! – выпалила Каролина, едва не грохнув тарелку о стол – Ужасно скучный, молодой и зеленый! Мне надоело ходить с ним по аллейке, держаться за ручку и целоваться у дверей квартиры. Сплошные розовые сопли! Зая, моя, зая... вылезь из сарая... Я ему все выскажу, дай только срок!

– Что? – мама так удивилась, что даже перестала вытирать губкой клеёнку на столе – Розовые сопли? Это что-то новенькое!

– Да! Новенькое! – закусила удила Каролина – И сообщаю, чтобы потом не говорили, что я развела тайны мадридского двора – у меня появился другой парень! – выпалила она, упрямо тряхнув головой и топнув ногой – Андрей! Ему двадцать шесть лет, он работает в МЧС и у него вишневая «Киа», новая и красивая! Самый писк! Как говорит Саша – тачка, что надо!

– «Киа» – это, разумеется, здорово! – деланно восхитилась Наталья Евгеньевна, каким-то новым взглядом посматривая на свою, слегка разгоряченную спором, дочь – У нас нет такой машины, хотя твой отец работает и совсем неплохо зарабатывает. Новая машина – это почти шикарно и меняет дело! У Кирилла, всего-то, как это вы, молодежь, говорите – «раздолбанная десятка», на которой он три раза в неделю мотается из города к нам, в микрорайон! К тому же, этому новому парню, Андрею целых двадцать шесть лет, а тебе недавно исполнилось семнадцать! Нашла себе взрослого дядю, а что, не дедушку? В сорок-то лет, небось и на нехилый джип заработать можно! Прикинь – Наталья Евгеньевна, сама того не заметив, перешла на молодежный сленг, нахватавшись от дочери слов-паразитов – Станешь самой крутой на районе! Все девчонки обзавидуются и, как вы там говорите, «станут писать кипятком»! Он, Андрей-то, твой, как – ничего не боится? Встретаться с малолеткой? Статья в Уголовном кодексе имеется, между прочим! Вообразил себя крутым мачо и покорителем девичьих сердец?

Каролина тяжело вздохнула – так и есть, ее опасения оказались не напрасны – мама ничего не поняла.

Она услышала лишь то, что Андрею двадцать шесть и что ездит он, на новенькой, дорогой машине, а подобную роскошь, по ее мнению, в столь молодом возрасте у них в поселке, считающемся микрорайоном ближайшего города, честным трудом не заработаешь.

– К тому же – продолжала зудеть мама, машинально постукивая ложкой о край стола – Этот Андрей с тобой по аллеям ходить уж точно не станет! Не тот возраст, чтобы целоваться в подъезде! У него, наверняка и квартира есть!

– Есть! – с гордостью выпалила Каролина – В двадцать пятом доме, на улице Ленина!

– Ага! Значит, в гости к нему ты уже ходила? – зачем-то уточнила мама, хотя и так все было ясно – Кофе пили, музыку слушали? Танцы-манцы, зажиманцы... Сашка лишней оказалась, её домой отправили, а сами зажгли по полной?

Взгляд мамы стал враждебным и подозрительным – когда-то, давно, ее, совсем молоденькую и глупенькую девушку, обольстил опытный ловелас, попользовался и бросил, беременную и беспомощную. И ждало бы Наталью Евгеньевну горькое будущее матери-одиночки, матери-«одноночки», как называли таких вот, отвергнутых, у них в поселке, если бы не ее нынешний муж, наплевавший на беременность любимой девушки и принявший чужого ребенка, как своего собственного.

Разумеется, упрямой дочери знать подобные подробности бурной молодости матери было совсем необязательно.

Сюда, в микрорайон большого города, Ясиневку, муж и жена приехали совсем из другого региона, рожала Каролину Наталья Евгеньевна в местной больнице и никто, совсем никто не знал, что девочку воспитывает не родной отец, а отчим.

Единственным посвященным в тайну оказался родной брат отца. Он благоразумно помалкивал, но особой любви ни к Наталье Евгеньевне, ни к падчерице брата, не испытывал.

Каролина, не заметив, что мать, как-то внезапно впадшая в задумчивость, замолчала, невольно покраснела – Кириллу она больших вольностей не позволяла, считая, что еще всегда успеет, а вот с Андреем все пошло несколько иначе. Еще пять минут назад, они пили на кухне кофе с ликером, затем курили и танцевали под тихую, приятную музыку, а потом внезапно оказались в постели, где почти раздетая Каролина едва не совершила самый глупый в своей жизни поступок.

К чести Андрея, остановился он вовремя, о чем Каролина втайне даже от себя самой, иногда жалела. Жалела и гордилась выдержкой парня, взрослого, но такого ответственного.

Но разве маме объяснишь? У нее на уме одни глупости – мол, поматросит и бросит!

– И кофе пили, и музыку слушали, и танцевали! – вызывающе ответила девушка – Что такого? Я не имею права сходить в гости и отдохнуть? Я отлично учусь, на выходных подрабатываю в магазине у тети Гали, не пью, не курю. В моем возрасте, между прочим, некоторые рожают!

Курить Каролина курила, но так, ради прикола, не всерьез, уверенная в том, что может справиться с вредной привычкой в любой момент – опасное заблуждение, но кто с этим считается в семнадцать-то лет? Но кончики ушей у нее покраснели и мама, конечно же, тут же это заметила.

– Хмм! – произнесла она, сомневаясь.

«Вот же, блин, Зоркий Сокол! – посетовала Каролина – Сразу пресекла, что я соврала!»

– Вот именно – хмм! – спокойно произнесла она – Ничего криминального не произошло – меня никто не совратил, не напоил и не изнасиловал! Я не беременна, не болею скверной болезнью и не употребляю наркотики... Не волнуйся! А твой драгоценный Ольшанников – скучный! Он мне ни разу не сказал, что любит, что дорожит мной, что я самая красивая и... Андрей – стихи читает, ухаживает красиво, про свою работу рассказывает. Про то, как они людей спасают и вообще... Профессия у него востребованная и героическая! Может быть, он даже орден получит от президента, когда-нибудь! А ты, Кирилл, Кирилл... Он, Кирилл – так,

малолетка влюбленный. Смешно сравнивать! Что он может свершить героического? Ботаник! Так и зачахнет в обнимку со своим ноутбуком! Еще и повадился пропадать несколько раз в неделю. Дела у него образовались, видите ли! Знаем мы эти дела – юбку носят и губы красят! Думает, я ему поверю! Смешно! Ха-ха!

– Смешно?? – глаза у мамы округлились, и она посетовала на упрямство дочери – Он же не видит никого кроме тебя, ходит, как под гипнозом, а, ты?

– А что, я? – равнодушно пожала плечами Каролина – я ему вчера сказала о том, что мы расстанемся. Он меня понял, надеюсь.

– Ничего он не понял! – мама закончила с посудой и хлопнула дверкой холодильника – Я у него спрашивала, и он мне отписался в Ватсапе.

– Его проблемы! – Каролина обозлилась на бывшего бой – френда еще больше. Надо же – навязчивый тип осмелился жаловаться ее собственной матери! Верх наглости! – Может, он с тобой встречаться будет в таком случае?

– Парень ничего не понял! – спокойно произнесла мама, нарезая колбасу толстыми кольцами, как любил отец – Он чувствует себя виноватым, но не понимает, в чем? Ты даже не удосужилась ему все объяснить! Это жестоко и несправедливо!

Каролина промолчала – мама во многом права. Девушка действительно, не стала ничего объяснять. Да и как такое можно объяснить? Сказать, что разлюбила, что встретила другого – интересней, веселей и симпатичней? А, Кирилл? Он делал все, что ей хотелось – помогал ей, поддерживал, встречал с учебы, заботился. Болтал он и вправду мало, целовался робко, краснел, подарки дарил принужденно, точно стесняясь... И никогда, никогда не говорил Каролине, что глаза у нее, как звезды, что губы – сладкие, словно ягоды малины, что она похожа на известную американскую киноактрису, только моложе и свежей... К тому же, Кирилл не читал ей стихов, а Андрей пишет ей такие стихи, что все девчонки, действительно, как говорит мама – обзавидовались.

– И розы твой Кирилл мне дарит белые! – упрямылась Каролина, взирая на мать исподлобья – А Андрей, глянь, подарил мне какую прелесть!

Пулей метнувшись в спальню, девушка принесла вазу с одинокой, пурпурной розой на длинном стебле.

– И что? – нахмурилась мама – претензии дочери казались ей надуманными и мелочными – Сказала бы, что не любишь белые розы и все, делов – то!

– Я намекала! – тряхнула волосами Каролина – Меня никто и слушать не хочет! И вообще – он на мне экономит. Белые розы всегда дешевле, поэтому он мне их и дарит!

– Мальчик делает все, что может! – спокойно возразила мама – Сколько есть денег, столько и тратит! Не может же он все время просить их у родите

– Пусть тратит на кого-нибудь другого! – резко произнесла Каролина – Я все равно с ним встречаться больше не стану! У меня есть Андрей.

– Я скажу отцу! – пригрозила мама, пустив в ход тяжелую артиллерию – Отец примет меры, и ты будешь сидеть дома, как привязанная. Я так и поступлю, ты меня знаешь!

Каролина задумчиво замолчала. Папа – это серьезно. Мама обычно всегда вставала на ее сторону, прикрывая мелкие грешки единственной дочери, отпуская гулять подольше, чем строгий отец. И вот, на тебе, такие угрозы из-за какого-то прыщавого юнца.

– Все понятно! – со слезами в голосе, произнесла она – Чужой мальчик Ольшанников тебе дороже собственной дочери!

– Не в этом дело! – мама казалась непривычно строгой и серьезной – нельзя отшвыривать людей как ненужный хлам! Еще вчера ты строила планы на совместное будущее, а сегодня какой-то ловелас, напев тебе красивых слов, заставляет совершать глупости!

– Никто меня не заставляет! – окрысилась Каролина, некрасиво морща лоб и кривя губы – С Кириллом Ольшанниковым все закончилось – насильно мил не будешь! К тому же, – Каро-

лина победно ухмыльнулась – Твой разлюбезный Кирилл не всегда был белым и пушистым! Он мне изменял, нагло и беспардонно! Может быть и теперь изменяет!

– Когда ж, это? – неподдельно удивилась мама – Что-то не припоминаю!

– На втором курсе! – Каролина сморщилась, словно укуса нанюхалась – Я тогда еще с Саньком закрутила, ему на зло!

– Это же глупо! – мама возмутилась, недоумевая, как можно помнить так долго о какой-то ерунде – Вы помирились почти сразу же! К тому же, мелькал еще какой-то мальчик, кажется, Денис Мореев из параллельного класса. Один из твоих воздыхателей. Если, ты так и не простила Кирилла, то нечего было с ним мириться... Теперь твои обиды выглядят, по – детски – глупыми и мелочными.

– Пусть так! – Каролина продолжала упорствовать – Все равно, будет по – моему!

– Ему скоро уходить в армию! В отличие от некоторых твоих приятелей, мальчишка не откупается, идет служить честно, долг выполнять гражданский и я не хочу, чтобы ты создавала проблемы. Он и так, сам не свой из-за вашей ссоры! Неизвестно еще, где мальчику служить, вдруг, да отправят куда-нибудь где стреляют.

– Подумаешь! – независимо передернула плечами Каролина – Пусть идет, если дурак! В армии служат только глупые и непредприимчивые! И потом – Каролина криво усмехнулась – Ты забыла, кто у него папочка? Служить твой драгоценный Ольшанников станет под боком у папика, неподалеку от маминых пирожков и супов! Ты такая наивная, мамочка! Разве ж кто отпустит родную кровиночку на край света?

Наталья Евгеньевна промолчала, не став оспаривать утверждения дочери, но осталась при своем мнении. Кирилл Ольшанников не производил впечатление человека, способного прятаться за мамину юбку, но Каролина закусила удила и ее не переубедить!

– Я уже все решила – хмыкнула Каролина, восприняв молчание матери, как капитуляцию – Ждать не буду! Встретаться стану с Андреем! И, вообще – девушка нахмурилась – Скоро устроюсь на постоянную работу и уйду на квартиру! Устроюсь в городе, в Каменске, сама себе хозяйка, смогу делать, что захочу и встречаться с кем мне нравится, а не с тем, кого тебе жалко!

– Можешь прямо сейчас собирать вещи и искать квартиру! – спокойно произнесла мама сквозь сжатые зубы – Тебя никто цепями к батарее не приковывает! Хочется свободы – ради бога, надоели родители – вперед и с песней к привольной жизни! Флаг, как говорится, в руки, транспарант под мышку и перо – сама знаешь куда!

Мама обиженно отвернулась, показалось, что она плачет, и Каролина внезапно опомнилась. Она даже не поняла, что на нее нашло, из-за чего весь этот глупый спор – из-за Кирилла? Из-за Андрея? Да пошли они оба с тем самым транспарантом! Никто из них не стоит слез родного человека, тем боле, что где-то, мама права.

– Ма – она неловко обняла маму за плечи – Прости меня, я неудачно пошутила! Бог с ним, с Андреем, я ему все объясню! Мы останемся просто друзьями, а с Кириллом я помирюсь. Если ты так хочешь! – тихо добавила она, словно подписывая капитуляцию – Ты со всех сторон на меня давишь.

– Неправда! – мама незаметно смахнула слезинку с ресниц – я на тебя давлю только с одной стороны...

– В этом доме сегодня жрать давать будут? – сердитый голос известил о том, что проснулся отец, как всегда недовольный перед ночным дежурством – Шепчутся все, никак не нашепчутся! Развели, понимаешь ли, тайны мадридского двора! В доме две женщины, а накормить мужика некому! Вот я возьмусь за вас – вы у меня и книжки читаете, и погулять ходите, и посплетничаете вдоволь!

– Сейчас, сейчас! – засуетилась мама, торопливо заставляя поднос тарелками с едой – Уже иду, милый!

– Давно пора! – буркнул отец и Каролина усмехнулась – в жизни меняется многое, то только не ее родители.

– Я через часок – гулять! – Каролина чмокнула маму в щечку – Ты ложись, спи, тебе завтра на работу. Не переживай за меня – мы договорились с Сашкой – я у нее заночую. Можно? Анфиса Павловна – не возражает. Обещаю, глупостей не совершать!

– Кириллу – привет! – мама, занятая ужином, не обратила внимания на лихорадочный блеск в глазах дочери. Она обманулась ее мнимой покорностью.

На самом же деле, Каролина намеревалась встретиться с Андреем вечером. Сегодня у них назначено свидание в городском сквере.

– Это все ее новая подруга виновата – бормотала мама себе под нос, еле слышно – Эта Саша – слишком самостоятельная, слишком резкая, слишком легкомысленная! Конечно – ей 22 года и Каролина в рот заглядывает старшей подруге, внимая каждому слову! Мать для нее уже не авторитет! Нет, ну надо же – женщина расстроено сопела – Кирилл ей плох! Подумаешь, цаца какая!

– Хватит бурчать! – откусив от хлеба большой кусок, проговорил муж – Принеси мне лучше чай! Да смотри, не кипяток!

Отец ужинал не спеша, тщательно пережевывая пищу и одновременно с этим просматривая газету. Местную. Газета называлась «Вестник города» и выходила один раз в неделю.

Каролина считала чтение газет несусветной глупостью, а их покупку – бесполезной тратой денег.

Зачем, спрашивается, покупать печатное издание, если есть интернет? Открой нужную страницу и прочитай все новости, тебя интересующие. Как, кстати, делает мама, вполне освоившая свой телефон и лихо шастающая по новостной ленте.

Но, нет – отец Каролины, Георгий Анатольевич, лишь усмехался и продолжал упорно покупать газету. Ему, видите ли, нравилось вдыхать запах типографской краски, перелистывать страницы и вчитываться, как он говорил, в живое слово. А интернет – это так, баловство для молодежи, хотя и штука полезная.

– Наденьку Кареву до сих пор не нашли? – мама, неторопливо собирающая легкий перекус мужу на работу, слегка отвлеклась от своего занятия и вопросительно взглянула на отца, словно бы тот мог опровергнуть ее утверждение.

– Нет – односложно ответил муж и перелистнул очередную страницу «Вестника» – Пишут, что ее следы затерялись на автовокзале. Вроде бы, кто-то из знакомых видел ее тем вечером...

– Тоже мне – тайна великая! Уехала Надька из города. – презрительно фыркнула Каролина – Сбежала! Я бы на ее месте тоже сбежала, от таких-то родителей! Ханурики, вечно бухие! Как их до сих пор из квартиры не выселили за долги – ума не приложу!

Надя Карева пропала месяц назад.

По словам, родителей пропавшей, она просто однажды вечером вышла из дома, отправившись в ближайший магазин за молоком и больше ее никто не видел. Девушка исчезла и ее поисками занималась полиция.

Каролина хорошо знала Кареву – в школе они учились в одном классе. Девочки какое-то время тесно общались, дружили, но, впоследствии, дружба истончилась и Наденька Карева из подружки перешла в категорию приятельниц, а это, согласитесь, совсем не то что ближайшая подруга и наперсница.

Как Саша.

Затем Каролина поступила в техникум, а Надя пошла в десятый класс. На том их знакомство почти прекратилось. Бывало, при редких встречах, девушки здоровались и даже, порой, обменивались новостями, но это и все. Прежняя теплота ушла. У них сложился иной круг знакомства и появились разные интересы.

Учеба давалась Наде легко, но она была из неблагополучной семьи. Родители девушки бухали, как говорится – запоем и на собственных детей обращали мало внимания. У Каревой имелись младшие брат и сестра и бабушка, которая, собственно и занималась воспитанием внуков.

Наде, конечно, доставалось – готовка, глажка, стирка. Особо не до учебы и уж точно, не до гулек.

Неудивительно, что в какой-то момент девчонке все надоело и она, сорвавшись, бросила осточертевшую семейку и отправилась в неизвестность, на поиски новой, может быть более счастливой жизни.

Жили Каревы неподалеку – в трехэтажном доме через дорогу. Из окна Каролины прекрасно просматривался их обшарпанный балкон.

Мама недоверчиво покачала головой – она, как и Каролина, хорошо знала Надежду.

– Надя никогда не оставила бы младших детей – твердо произнесла она, с осуждением поглядывая на дочь. Легкомысленные слова Каролины ей очень не понравились – Девочка любила малышей, заботилась о них, как могла. Теперь же, кому они нужны? Бедные дети!

«Вот-вот – подумалось Каролине – Надька, точно сбежала, бабуля – умерла, родителей лишили прав и детей отправили в приют. Все просто счастливы, особенно – родители-алкаши. Им теперь никто не мешает квасить в свое удовольствие и наслаждаться жизнью. Еще парочку спиногрызов настроят от нечего делать.»

– Да, ладно! – Каролина упрямо тряхнула длинной челкой, скрывавшей глаза и половину носа – Надоело Надьке кашу пустую жрать и ходить в обносках. Скорей всего, в областной центр укатила. У нее там, вроде бы, тетка имелась... Или – нет?

Перед глазами Каролины мелькнул образ упомянутой в разговоре девушки – правильное, округлое личико, светлые соломенные волосы, прямой нос и настырный взгляд темно-карих глаз. Надька запомнилась ей своими упрямством, настойчивостью и трудолюбием. Из всех ценностей у девчонки оставались лишь золотые сережки, крошечные, с красным камушком. Бабушкины. Надя их очень берегла и это оказалась единственная вещь, которой так и не смоли ее лишить непутевые родители.

– Хватит трещать, сороки! – это папа соизволил оторваться от своей газеты – Компетентные органы разберутся, что и к чему. А, ты – он строго взглянул на раскрасневшуюся дочь – Чтобы в половину одиннадцатого была дома. Как штык! Смотри, позвоню и проверю, ты меня знаешь! Нечего по улицам шляться ночами! Вон, люди пропадают бесследно! Разве Карева одна такая? Совсем распустилась наша молодежь – на уме одни удовольствия и развлечения! Мы в вашем возрасте, совсем другими были! Да-да и нечего тут носом шмыгать и глаза подкатывать!

Каролина с неудовольствием взглянула на притихшую мать – вот, договорились! Если бы мама, так некстати, не завела разговор о пропавшей девушке, то отец не обозначил бы точное время и она, Каролина, могла бы погулять с Андреем допоздна. И переночевать у Саши. Она любила оставаться у подруги – пить кофе, курить в комнате, слушать музыку и не оглядываться на родителей. Тетка Анфиса, слегка глуховата и музыку девушки всегда включали громко и танцевали в свое удовольствие.

Обиженно фыркнув, девушка выскочила из комнаты, а отец, ласково прижавшись к руке жены, произнес:

– Не бери в голову, Наташка. Она мне потом еще спасибо скажет, если не дура, конечно.

Он отложил в сторону газету, поцеловал жену в тугую щечку, благодаря за ужин и ушел переодеваться. Ночное дежурство начиналось с семи часов вечера и следовало поторопиться.

Наталья Евгеньевна, недовольная поведением дочери, начала медленно собирать со стола грязную посуду, которая, казалось, имела свойство размножаться сама по себе и в немыслимых количествах.

Слегка пританцовывая под негромкую, ритмичную музыку, Каролина тщательно готовилась к свиданию.

Да-да, она намеревалась встретиться с Андреем сегодня вечером и никакие мамины предостережения не могли сорвать долгожданное randevu.

Аккуратно накрасившись, Каролина слегка задумалась, распахнув широко дверцы шкафа и скептически рассматривая собственный гардероб. Ей хотелось выглядеть нарядно и стильно, не сливаясь с толпой. Глаза тянулись к новому платью – отличному, из полупрозрачной и невесомой ткани, тёмно-синему, с легкой вышивкой по вырезу лодочкой и нарядными накладными карманами с отделкой из гладкого атласа.

Чудо, а не платье!

Но, нет! Каролина с видимым сожалением отложила в сторону красивый наряд – это платье, слишком вызывающее для простого свидания в городском парке. Если бы Андрей пригласил её в новое летнее кафе «Жар-птица» или же, в ресторан, в «Домино», то тогда... Тогда платье пришлось бы в самый раз.

Сегодня же ей придется обойтись обычными джинсами.

Она скользнула в красивый, нежный топик, приятный, гладкий и очень лёгкий, расшитый пайетками и украшенный стразами, поправила его на груди и закружилась по комнате.

– Тра-та-та! – пела Каролина, весьма довольная собой и собственной внешностью. Осталось влезть в тесные джинсы, лохматые и дырявые на коленках, расчесать волосы и о-па! Она готова покорять мир и одного крутого парня!

Симпатичные серёжки, браслет на запястье и серебряная, черненная цепь дополнили ее облик. Впрочем, цепь, толстая и витая, с массивным крестом, необычной формы и вида, скользнула под топ, словно сытая, упитанная змея и надежно скрылась под тонкой, но плотной тканью.

Каролина украдкой высунула нос из комнаты – отец все еще не ушел на работу и о чем-то шептался с матерью у входной двери.

«А мама-то, еще ого-го! – неожиданно подумалось Каролине – Красотка, однако! Молодая, румяная и не скажешь, что дочери недавно исполнилось аж, целых семнадцать лет!»

Девушка заметила, как расцвело лицо матери от слов отца, как папа нежно и бережно потрогал пышные волосы жены и поцеловал ее прямо в губы, вместо обычного небрежного чмока в подставленную щеку.

– Дела? – озадачилась Каролина, втайне считавшая отца сухарем – Прямо-таки, медовый месяц у предков!

Девушка слегка обижалась на родителей – ну нельзя же быть такими строгими! Она же молодая, красивая, ей хочется жить, гулять и веселиться, как и любой в ее цветущем возрасте! Встретаться с парнями, наконец-то! А мама зациклилась на этом Кирилле!

Хороший парень Кирилл – добрый, верный. Умный!

Но, скучный!

Не любит гулять, тусоваться и, вообще..

Сашка, её новая подруга, сразу сказала, веско и твердо – ботан! С таким, как Кирилл каши не сварить! За такого – только замуж, к плите, кастрюлям и сопливым детишкам!

Каролина, втайне, обиделась на подругу за резкие слова, но поразмыслив, с ней согласилась – ботан! Слишком правильный!

Вот Андрей! Он – другой! И имя у него красивое, не то что у некоторых – звучанием старославянское напоминающее!

С ним Каролина чувствовала себя волнительно и тревожно – как же, почти взрослый мужчина, с собственным жильем, шикарной машиной и деньгами.

Такой может себе позволить девушку погулять сводить, и в кафе, и в клуб, и на море вывезти...

«Меркантильная ты особа, Каролина Георгиевна! – упрекнула сама себя девушка – Разве в деньгах счастье? Или в тряпках?»

Хотя, эта реплика принадлежала маме, а вот Сашка, подруга закадычная, та думала по-другому.

Яркая хрупкая блондинка Александра Колесникова, знакомясь с новыми людьми, никогда не представлялась полностью.

– Александра Ко – так говорила она и протягивала крепкую ладошку для рукопожатия или поцелуя. Жила Александра с родной тёткой, Анфисой Павловной, трудилась менеджером в крупном торговом центре и зарабатывала неплохо для юной девицы. Кроме того, она успела закончить курсы и имела дополнительный заработок, приводя в порядок ногти всех своих знакомых женского пола.

Естественно, со скидкой.

Вот и Каролина теперь могла похвастаться аккуратными пальчиками с нежно-розовыми ноготками. Сама же Александра предпочитала ярко-красный, хищный цвет и чувствовала себя в нем весьма комфортно и уютно.

Каролина пребывала в уверенности в том, что, в отличие от нее, трусихи, Сашка на сегодняшнее свидание оденется ярко, броско и даже вызывающе.

Колесникова уже некоторое время встречалась с очень красивым парнем, Сергеем Торбинским, имевшим внешность манекенщика и фигуру стриптизёра. Его все знакомые так и звали – Серега-Тарзан и Сашка безумно ревновала парня ко всем особам, носящим юбки. Ну, почти ко всем.

К ней, Каролине, нет.

Как пояснила сама Александра – Сержа не привлекают малолетки. Ему с ними просто неинтересно, а она, Каро, в его глазах выглядела именно малолеткой, ведь ей всего лишь семнадцать.

Сашке в прошлом месяце исполнилось двадцать два, и она вполне серьезно собиралась замуж за красавчика Торбинского.

Сергей очень хорош собой, не бедствует, плотно прижился в какой-то серьезной фирме Каменска, квартира в центре города, дача на микрорайоне.. Мечта, а не мужик!

Очень уж хотелось Александре съехать от тётки и зажить самостоятельно, зажиточно и широко.

– Александра Торбинская! – мечтательно вздыхала подруга – Красиво звучит!

И Каролина подругу понимала.

Планы ее собственной, самостоятельной и взрослой жизни, строились давно, но, пока что, они оставались всего лишь мечтами.

Отец, наконец-то, ушел и девушка легко выпорхнула из своей комнаты.

С мамой куда проще договориться, чем с хмурым и серьезным отцом, в последнее время всегда чем-то сильно озабоченным.

– Ма! Я ушла! – крикнула Каролина и ужом выскользнула за дверь – Пока-пока! – это она добавила уже на лестнице – В двенадцать скину тебе СМС. Не беспокойся! – и длинными прыжками начала спускаться вниз, надеясь на то, что мать не станет кричать ей с балкона и напоминать о том, что нужно прийти домой раньше, а не ютиться у подружки, как будто в родном доме мало места.

Это так унизительно! А вдруг услышит кто из знакомых?

Будут потом пренебрежительно хмыкать ей в след и обзывать маменькиной дочкой.

Прослыть «маменькиной дочкой» – что может быть обидней для почти взрослой и самостоятельной девицы?

– Ля – ля-ля! – напевала Каролина, прыгая через ступеньку, словно вернулись далекие школьные годы – Жизнь прекрасна ... Была!

Тут она, нос к носу, столкнулась с неприятным типом, медленно поднимающимся вверх по лестнице.

Тип имел запоминающуюся и мрачную наружность – длинное лицо на котором умещались и острый нос, и тонкие, узкие губы, брезгливо поджатые, и подбородок гузкой. На голове, не смотря на теплую летнюю пору – плотный картуз, удачно скрывающий засаленные лохмы рыжеватых волос.

Дядя Сеня, папин брат, дядька самой Каролины – существо желчное, едкое, неприятное и вечно чем-то жутко недовольное.

Дядя Сеня круглогодично таскал на себе длинный плащ защитного цвета из плотной ткани, чем-то напоминающей брезент, мятые брюки и запыленные, тупоносые ботинки из разряда «прощай молодость». На том самом подбородке пыталась расти борода – куцая, редкая и неопрятная.

Напоминал дядька Сеня толи бомжа, толи баптиста, толи просто уroda, за собой не следящего.

Состоял он в какой-то секте, малоизвестной и невразумительной, идеи выдавал совершенно безумные и был озабочен спасением своей собственной, бессмертной души. В тоже время, дядька производил впечатление человека хитрого, себялюбивого и корыстного.

В общем – тот еще тип!

Повеяло чем-то недобрим, точно черная кошка на дороге повстречалась.

– Блин! – сокрушенно вздохнула Каролина – Сейчас начнет зудеть! Еще один зануда на мою голову!

– И чего это ты вырядилась, как шалава подзаборная? – вместо приветствия произнес дядя Сеня – Смотреть противно. Хоть бы сиськи прикрыла, глаза твои бесстыжие! Куда только Георгий смотрит? Совсем от рук отбилась и стыд потеряла!

– Папа на работе. – сухо ответила Каролина, морщась точно при зубной боли. Она хотя бы попыталась проявить вежливость – Здравсьте, дядь Сень. Рада вас видеть.

– А я вот, не очень. – дядька еще сильнее поджал губы, превратив их в еле заметную щель на бледном лице – Совсем Георгия заишачили. Он скоро жить переедет на эту свою работу, а вам все мало и мало, пиявицы ненасытные! Здоровая кобыла вымахала, а все шляешься! Ночами блудишь, распутница малолетняя! На тебе пахать нужно... Ты же все о гуляках, да о мужиках! Бесстыдница!

– Учусь я, дядь Сень. В техникуме. – Каролина все еще сохраняла спокойствие. А что делать – наловчилась за долгие годы. Ей-то, что? Пережует, не в первый раз, но этот мерзкий тип сейчас поднимется к ним в квартиру и начнет матери мозг выносить. Та, вместо того, чтобы выпроводить зудящую нечисть, станет слушать и кивать головой, точно китайский болванчик, дабы отца не обидеть. Как же – единственный родственник, братец любимый! Отец ни в жизнь не поверит, что дядя Сеня может сказать в их адрес что-то плохое! С братом придурок божественный мил и кроток, аки агнец жертвенный... А, что? Он сам себя так называет – агнец... И папу – тоже... Все просит его квартирку на секту свою отписать... Им самим после этого – куда деваться? Под мост жить идти? По ней, Каролине, так выпереть этого новоявленного апостола вон и навсегда отказать ему от дома. Пусть своим бабкам сектантским нудные морали читает и нравоучениями мучает!

Дядька Сеня давно и прочно состоял в каком-то религиозном обществе и потому считал себя безгрешным и умным. Типа – все помрут, а я останусь. Потому как, праведник! От этой его праведности даже скулы сводило, как рот от незрелой хурмы – ни пьет, ни курит, мясо не ест, сладкое – смерть, соль – вредна. Кино – от дьявола. Власть – нечистая, потому как секту не признает, а ЖКХ, вообще, враг всего человечества... В поликлинику дядька ни ногой, прививки не делал и истекал желчью по любому поводу и без него тоже, истекал.

Мрак и ужас!

– Пока, дядь Сень, всего вам хорошего! – Каролина небрежно махнула рукой, не собираясь стоять столбом и покорно внимать всяческой ереси – Спешу, извините.

– Куда намылилась? – дурным голосом взревел папин брат, больно хватая девушку за плечо – Иди умойся, шалава беспутная! Краску с лица смой мерзостную, греха сосуд дьявольский!

Каролина ловко вывернулась из цепких пальцев сектанта и поскакала вниз по лестнице, убыстряясь с каждым шагом. Позади, отстав, верещал противный типус, грозя девушке всевозможными карами, земными и небесными.

Выбежав на улицу из душного подъезда, Каролина с облегчением выдохнула – достал уродец припадочный. Носит же земля таких, носит и не жалуется!

– Сеня приперся? – с сочувствием в голосе поинтересовалась досужая соседка-пенсионерка, живущая этажом ниже – Орет, слышу, хоть и глухая стала, как сыч. Совсем умом рехнулся, хрыч старый! Все о царствии небесном вещает, да о геенне огненной? Упырь!

– Ага – буркнула Каролина неприветливо, отводя взгляд в сторону. Родственника она стыдилась, избегала, смотрела на него как на юродивого, но это ведь не повод перемывать ему кости на каждом углу? Это сейчас баба Рада добренькая и Каролине улыбается ласково, а встретит дядьку Сеню, да расскажет ему про слова нелюбимой племянницы и что? Тот сразу же отцу доложит и она, Каролина, виноватой останется.

Девушка кивнула любопытной соседке и поспешила прочь от дома, свернула на аллею к автобусной остановке. Ей нужно было попасть на маршрутку, проехать три квартала и все. Как говорится – место встречи изменить нельзя.

В городском скверике на улице с романтическим названием – улица Магнолий, ее ждали друзья, а она, наверное, уже запаздывала.

Вдали показался тупой нос «Газели», Каролина было ринулась вперед, но тут же затормозила, скрипя подошвами теннисок по асфальту, обнаружив, что забыла дома свой рюкзачок – с кошельком, телефоном и прочими, жизненно необходимыми молоденькой девушке, мелочами.

– Вот же, засада! – Каролина с досадой прикусила губы – это все дядька Сеня виноват! Совсем голову заторочил упреками. Эх, плохая примета возвращаться, а что делать? Коммунизм в нашей стране все никак не построят, потому и в «маршрутке» меня никто бесплатно не повезет. Да и как без телефона? Словно голая из дома вышла.

Девушка некрасиво скривила губы, обидчиво шмыгнула носом и почти бегом рванула обратно, радуясь тому, что не уступила соблазну и обула на ноги удобные «тенниски» на плоской подошве. Хороша бы она была сейчас, бегущая сломя голову, в нарядном платье и босоножках на каблуках. По разбитому асфальту только на каблуках и бегать – мигом без них останешься, да еще и упасть можно.

По лестнице взлетела махом, вспорхнула легко, мимоходом отметив, что говорливая соседка испарилась самым чудесным образом, а не болтается по двору, поджидая очередной объект для новых сплетен. Время катастрофически поджимало, но девушка все равно, слегка отдышавшись после стремительного восхождения на третий этаж, тихо приоткрыла дверь, моля Бога о том, чтобы та не скрипнула и не оповестила противного родственника о возвращении блудной дочери в родные пенаты.

С него станется потащить ее умыться. Тот еще жук!

Скользнув в узкую щель, Каролина вздохнула с облегчением – дядька с удобствами обосновался на кухне, поближе к продуктам питания. Вон нога его видна, вполне отчетливо. Правдолюб! И обличитель Зла, а сам ввалился в чужую квартиру и даже не разулся.

Голоса слышались громкие и возбужденные. Верещал, конечно же, дядя Сеня, мама отвечала тихо, без эмоций, односложно.

Каролина, подхватив свой нарядный рюкзачок, невольно прислушалась к разговору, а прислушавшись, впала в ступор, беззвучно открывая и закрывая рот, подобно рыбе, выброшенной из воды на берег жарким днем.

– Я тебе так скажу, Наталья! – голос дядьки звучал скрипуче, точно несмазанная дверца шкафа – Георгий, брат мой – дурак-дураком.. прости Господи. Как был дурнем по малолетству, так и помрет не изменившись. А все потому, что меня, брата старшего, умного, не послушал в свое время. Мало того, что тебя, кошку блудливую, в дом приличный привел и женой законной сделал, так и девку твою, наглую, нагулянную невесть от кого, воспитывает. Одевает ее, неблагодарную, кормит и учит, к тому ж. Деньги большие платит за учење это. К чему девкам науки постигать, я никак в толк не возьму. Созрела к замужеству и под венец ступай, блуд не плоди! Известно ж – да убоится жена мужа своего! Ты ж, Наташка, по чести – какая жена? И дочка твоя, такая же проститутка, как и ты растет. Прости Господи меня многогрешного! Ишь, выскочила коза, размалеванная вся, как девка продажная. Небось и ты такая же шастала, когда с папашей ейным шашни крутила, да подол кверху задирала, а когда пузо на нос полезло, так тут и брат мой глуповатый тебе, блуднице вавилонской, подвернулся кстати. Связался с тобой, шалавой, Господа нашего отринул, меня не послушав, а, ведь ему на роду написано, рука об руку со мной шагать и меня, как старшего, многомудрого, слушаться. И в институт этот, бесовский, учиться пошел. Зачем токмо? Ошибки в теле человеческом исправлять взялся, грешник! Только Господь наш решать может – кому жить далее, а кому время за грехи свои ответить пришло. Господь и никто иной! Он же, волю вышнюю порушить решил, против ангелов небесных выступает! Червь! Тело человеческое перекраивает по своему усмотрению! Безбожник!

Каролина торопливо достала из рюкзачка телефон и поставила на запись – прогресс тебе не друг, дядя Сеня? Вот мы отцу, брату твоему, запись и отправим, а то он словам нашим не доверяет, родственничка выгораживает... безгрешного.

– Это Георгию решать, а не вам. – голос мамы звучал в глубинах квартиры тихо и как-то непривычно глухо и тут до девушки дошло... Она задышала глубоко и часто, схватившись одной рукой за грудь, другой, продолжая держать телефон, точно мешком пришибленная. Она не в силах была понять, как такое могло быть? Она, Каролина – приемная? Нагулянная? Удочеренная? Папа ей и вовсе не родной? Пусть суровый, пусть ворчливый, пусть – сухарь, но... Родной же? Или нет? Как же так? Как ей жить теперь с этими знаниями?

Мгновенно глаза девушки наполнились злыми слезами, она гневно шмыгнула носом и упрямо сузила глаза.

Каролина злилась и злилась сильно. Нет, не на мать и отца за то, что правду скрывали и вполне успешно столько лет. Вовсе нет. Она прекрасно понимала почему так случилось и от чего ей никто и ничего не говорил. Отец... Он, как был ей родным, так родным и останется, а вот дядя Сеня... Он же, благодетель хренов, специально приперся, матери душу травить, измываться над ней. Подгадал гад момент, когда отца дома нет и сидит, понимаешь ли, расстопырился, умничает еще чего-то... вампир энергетический!

Девушка оскалилась, зло, некрасиво, совсем не по-женски, точно волчица, что логово свое защищает – ничего, дядька, сейчас посчитаемся! Да и не дядька ты мне вовсе, как выяснилось. Так, мужик чужой, языком злобным одаренный! Отец за слова обидные, тебя по головке не погладит и мерзость твою не одобрит. Может – и вовсе от дома откажет! Родственничек!

Хорошо бы!

Запись пишется, а дядька все болтает, желчью исходит, гадина!

И совсем было собиралась Каролина объявить о своем присутствии, как дядька вновь заговорил, продолжая жалить и кусать мать безжалостно.

– Это, конечно, хорошо Наталья, что ты, все-таки, беременна. Давно пора. Я-то думал, что ты совсем уж пустобрюхая, за столько лет не сподобилась брату ребяточка родить. И то, проверить еще нужно – его это дитя или ты, курва, вновь втихоря с кем согрешила? Георгий-то,

простофиля, даром что при должности, а небось, весь разум от радости великой растерял! Ну мы проверим-проверим, есть способы. Я его научу, коль у самого ум не доходит. Второй раз не удастся тебе, женка грешная, нагуляша в дом наш притащить! Это я тебе точно обещаю!

Каролина вытянула шею и выглянула из-за угла – дядька, вольно развалившись на стуле, вещал вдохновенно, а мать, сжавшись, молчала, серея лицом.

– А знаешь ли, Наталья, почему Господь детей вам не давал? – продолжил говорить дядька Сеня и глаза его масляно заблестели – А все потому, что не след тебе деток рожать, змея... Кто есть ты и весь род твой? Цыгане блудливые, семя бесовское. Знаю-знаю я, все о предках твоих. От моего глаза ничто тайное не укроется. И ты, грешница, не должна плодиться и размножаться. По упущению Всевышнего случилось сё, а исправить-то можно... Хватит одной бесовки, что землю поганит... Пойди в дом нечистый и избавься от бремени, от той мерзости, что в животе твоём зреет. Неча мир людской гнилью полонить. Слышишь меня, голова твоя пустая? На аборт иди! Дура!

Каролина едва не задохнулась от гнева – вот же тварь! Убить малыша, брата или сестричку? Да она, может быть, всю жизнь мечтала? Как смеет он, тварь? Отец его за это на куски порвет!

– Хватит! – в материном голосе слышался надрыв – Уходи отсюда, святоша! Сами разберемся!

– Ты мне не указ! – расвирипел дядя Сеня, осознав, что все слова его прошли мимо ушей непокорной невестки – Ишь, встрепенулась! Ты – никто в этом доме, потому и нишкни! Не командуй, баба грешная, грязная! Сосуд нечестивый, мерзостью переполненный! Я к брату в дом его пришел и не тебе мне указывать. Нечего тут слезы пускать, болото разводить, лучше меня послушай – голос дядьки стал вкрадчивым и даже сладким – Зачем тебе ребенок, дура? Избавься от сего, пока не поздно! Жили как-то без детей и дальше проживете.

– Я все мужу расскажу. – твердо произнесла Наталья Евгеньевна – Пусть знает, кого в доме привечает.

– Давай! – дядька Сеня глядел насмешливо и даже жалостливо. Развалившись на стуле, точно хозяин, он продолжал ощупывать Наталью липким взглядом – Кто тебе поверит, шалава? Я его брат, родной, единственный! Кровь его! Он лишь мне и поверит, как родичу и семье своей. А ты – неизвестно еще, родишь ли? Может, скинешь? Может, сама с балкона выпрыгнешь? А???

Лицо сектанта стало страшным и мать невольно попятилась, осознав, что брат мужа куда как сильнее ее. Мало ли что на уме у сумасшедшего сектанта? Вдруг, кинется?

– Поверит- поверит. – Каролина ворвалась в комнату и пнула стул на котором восседал упырь. Хорошенько так пнула, того аж повело – Уматывай давай, пока время есть. Я-то точно молчать не стану, отцу все расскажу. Довел мать до слез, гад! Ей, в ее положении, волноваться противопоказано – вредно! Про аборт, вообще, зря заикнулся – отец тебе того ни в жизнь не простит!

Дядька схмурил брови и взглянул на девушку брезгливо, с превосходством.

– Цыц, тля! Мала еще на старших голос повышать. А скинет, так и не велика беда. От поганой утробы только нечистый плод народится может.

Каролина искоса взглянула на мать – обычно сдержанная женщина тихо всхлипывала и девушку понесло.

– Ты, гад, не первый раз ее обрабатываешь – прошипела она зло, сжимая пальцы в тугие кулаки – Совсем рехнулся на старости лет!

Дочь приблизилась к матери, обняла ее одной рукой и набрала отца, наплевав на то, что тот, конечно же, слегка разозлится от того, что его беспокоят на работе.

– Папа – Каролина смотрела на дядьку в упор, насмешливо и презрительно. Она его ничуть не боялась, и он знал об этом – Я тебе запись одну сбросила... Послушай, тебе полезно будет.

– Ты дома? – отец слегка удивился и обеспокоился – Что-то случилось? С мамой?

Каролина едко улыбнулась – вот тебе и на! Отец не злится, хотя сам всегда запрещал звонить ему на работу. Он мог быть на обходе или на операции и не любил, когда его отвлекали.

– Это важно, папа. – Каролина сама удивлялась собственному спокойствию – Перезвони.

Дядька криво ухмылялся – у него не было телефона, и он не знал о том, что его разговор с матерью Каролина записала и отправила отцу. С каким наслаждением девушка стерла бы с его лица эту мерзкую ухмылку.

– Сейчас буду. – голос отца звучал глухо и тихо. Он, словно бы винил себя за случившееся. – Сиди дома с матерью, никуда не уходи, дочь.

Каролина так и поступила, мельком покосившись на часы – она опаздывала, но ведь ее могут подождать, стоит всего лишь попросить об этом.

Она скинула сообщение Сашке и обняв мать, принялась ждать отца, сверля подозрительным взглядом дядьку.

Тот, чуя недоброе, ерзал на стуле, утратив весь свой напыщенный вид, но не признавая себя побежденным. Брат всегда вставал на его сторону. Как старший из братьев, дядька Арсений продолжал чувствовать себя уверенно, убежденный в собственном праве руководить и указывать.

Каролина увела мать из комнаты, накапала ей валерьянки и уложила в постель.

Наталья Евгеньевна, собравшись, благодарно взглянула на дочь.

– Он на меня как-то странно действует – пожаловалась она, имея в виду отца брата – Я как под гипнозом и сказать-то толком ничего не могу.

– Я – могу! – Каролина радостно улыбнулась – Здорово! У меня будет брат! Всю жизнь мечтала.

– Или, сестра – улыбнулась Наталья Евгеньевна.

– Или – сестра – легко согласилась Каролина.

– Ты – рада? – мама тревожно всматривалась в лицо девушки – Что ты еще слышала?

– Ничего – легко соврала Каролина, хотя слышала все. Зачем мать беспокоить, ей и без того не легко – Как этот придурок на тебя орать начал, я как раз в квартиру зашла. Записала его вопли. Вот. В этот раз не отвертится.

– Мы разберемся – мать старательно отводила в глаза в сторону, радуясь, что Каролина не слышала самого главного – Тебя, наверное, ждут?

– Ждут – подтвердила девушка, минуту назад получившая ответ на свое сообщение.

– Кирилл? – мать продолжала проявлять интерес, отвлекаясь от неприятностей.

– Кирилл – опять уверенно соврала Каролина – Отец приедет, и я уйду. Ладно? Не хочу видеть эту мерзкую рожу. Папа ему задаст перцу. В этот раз ему не отвертеться!

– Хорошо – кивнула мама – Я полежу тут немного.

– Отдыхай – быстро согласилась Каролина и оставила ее в спальне, а сама вернулась на кухню, не желая, чтобы дядя Сеня хозяйничал на ней как у себя дома. Кстати, в гости к дядьке она никогда не ходила, да и не приглашал он никого в свою холостяцкую берлогу. Жил одиноко, как бирюк и лишь таинственная секта заменяла ему семью.

Сама Каролина в эти религиозные распри никогда не встревала, хотя дядюшка не раз и не два приглашал ее на сборища, именуемые им странно – радения и обещал племяннице чуть ли не рай на земле.

Отец Каролины в Бога не верил. Как и многие врачи, Георгий Анатольевич считал себя атеистом. Мама относилась к религии с прохладцей, ограничиваясь поеданием пасхального кулича и покраской яиц на всю ту же Пасху, а Каролине было все равно. Из всей религиозной

атрибутики она уважала лишь свой крест – старинную серебряную вещичку, которую носила на толстой, серебряной же, цепочке, витой и тяжеленькой.

Крест, как давно объясняла ей мама, достался ей в наследство от прямой родственницы по материнской линии, прапрабабки и был освящен в каком-то храме.

Девушке экстравагантная вещичка нравилась.

Дядьке Арсению, как ни странно, тоже. Он даже пытался выкупить безделушку у пусто-головой девчонки за какие-то смешные деньги.

Вот и теперь – сидит, глаза выпучил, скалится насмешливо. В себе уверен.

Ну-ну!

Девушка периодически поглядывала на часы – ребята обещали, что подождут ее в скверике в течение часа и Каролина рассчитывала, что к назначенному времени успеет разобраться с домашними проблемами.

Одна из таких проблем торчала на кухне и действовала ей на нервы.

– Не рассчитывайте на то, что с рождением ребенка вам удастся наложить руки на эту квартиру – гадливо ухмылялся дядя Сеня – Эта квартира принадлежала моей бабке и Георгий захапал ее не по праву.

– Это – наша квартира. – спокойствию Каролины могли позавидовать все удавы планеты – У вас имеется собственная жилплощадь. На нее никто и не претендует.

– «Однушка»? – с искренним возмущением воскликнул дядька и глаза его полыхнули гневом – Конура, а не квартирка. Никаких условий! Я даже братьев пригласить не могу на радение, потому как места мало! И голуби мои, птахи божьи, на балконе ютятся, в тесноте, а вы шикуете в хоромах барских!

Каролина вовсе не считала, что они живут в хоромах – квартира, конечно, была трехкомнатной, крупногабаритной, но, ведь у них, как выяснилось, вскорости ожидается прибавление в семействе.

– У вас были деньги – девушка пожалала плечами в недоумении – Бабушкину квартиру папа продал три года назад и, как я помню, все поделили пополам.

– Мала ты еще, тля языкатая, чужие деньги считать – важно задрал нос дядька – Кто ты есть такая, мне указывать? Девка дрянная. Деньги пошли на благое дело. Это вы, безбожники, в аду гореть будете, а я спасусь деяниями своими славными и душа моя в райские кущи воспарит, наслаждаиси, а ваши, грязью напитанные, гореть зачнут в пламене очищающем.

Каролина лишь выдохнула – о чем можно говорить с фанатиком?

Фанатик-фанатиком, а интерес денежный блюдет. Квартиру ему подавай! Обойдется!

Дядька Арсений тем временем вещал что-то вдохновенно. Прислушавшись, Каролина лишь рот раскрыла.

– И лишь через умерщвление плоти своей, достигнешь ты рая, дитя. Постись, молись и старших слушай. – деловито взглянув на девушку, дядька внезапно предложил – К нам на радение приходи. На службу нашу. Совсем ты уже созрела телом, но не духом. Готова к принятию таинств благих. Вот, могу подарить тебе, дева. Держи!

Очень удивилась Каролина подарку. Станный, если не больше. И как только упырь плешивый смог штуку чудную пронести к ним в дом незаметно?

Каролина рассматривала тонкий гибкий хлыст и поражалась тому, что дядьку Сеню еще не заперли в дурдоме на веки-вечные. Это ж надо – предложить ей подобную дичь!

– Для плоти твоей нежной – дядька облизал узкие губы длинным, влажным языком. Глазки его масляные похотливо ощупали девичью фигурку – Для умерщвления. Вот. Таинства всякие у нас есть. Ты девка молодая, в них нуждаешься. Плоть греховную усмирять нужно, через искупление и страдания к благодати идти. Могу пособить тебе в том... племянница.

Каролина сама глаза выпучила на манер жабы болотной.

Она точно ослышалась – пенек плешивый, ей, что, предлагает себя, собственноручно, этим-то хлыстом уродовать? Да еще и помощь в том предлагает? Благодетель! Ополоумел, не иначе!

Каролина ойкнула, оглянулась, углядела бледное лицо отца, мелькнувшее в коридоре.

– Пришел – с облегчением выдохнула девушка, утомленная продолжительным общением с придурковатым родственничком – наверное, дежурством с кем-то поменялся. Теперь мать в надежных руках. – Вот дела! – девушка продолжала искоса наблюдать за дядькой и одновременно с тем прислушиваться к тревожной тишине, воцарившейся в квартире – У меня скоро брат или сестра родится! Старики отождгли! Кто бы подумать мог?

К своему удивлению, Каролина осознала, что рада тому, что вскоре в квартире зазвучит детский смех. Все родителям не так скучно будет. Она-то точно в город уедет – нечего ей в поселке киснуть, молодой и красивой.

Дядька Арсений толи на уши глуховат стал с годами, толи вины никакой за собой не ощущал, но сидел на стульчике, как и раньше – спокойно. Хлыст в руках вертел, точно к телу племянницы примеряясь. Девушка аж поежилась от неприятных ощущений и взгляда чужого, недоброго. Как будто облапал кто.

Досадно, одним словом.

Она-то в толк взять не могла – находятся же люди, сами себя калечившие хлыстами этими. Больно, наверное, ж! Такой штукой, с размаху, да по голой заднице!

– Каролина! – отец возник на пороге, какой-то весь серый, усталый, взъерошенный – Ты гулять собиралась, кажется? Можешь идти. За мать не переживай особо – нормально с ней все. Я сегодня дома останусь и сам присмотрю.

– Угу. – удивилась девушка. Что за день выдался взбалмошный и не понедельник вроде – то не отпросишься, то, чуть ли, из дому не гонят. Она и не против!

И глянув на дядьку, затем на отца, догадалась – сейчас на кухне состоится мужской разговор между братьями. Может быть, даже с рукоприкладством. Вон, у родственничка дорогого глазки беспокойно забегали, нос дергается и кадык. Видать, неприятности почуял, хрыч старый!

Отец не зря хмурый такой с работы сорвался.

А вот и хлыст углядел!

Каролина едва не хмыкнула – додумался святоша погань поповскую к ним в дом при-тащить! Как бы дядьке Сене не прилетело с избытком, хлыстом этим-то! Отец сердится, сейчас закипит! Как начнет братцу родному помощь-то оказывать усердно, способствовать плоти умерщвлению... То-то смеху будет! Хотя... Батя – хирург, как-никак. Сам ломает, сам же и починит... опосля.

– Так я побежала? – уточнила Каролина – А?

– Беги-беги! – отец широким торсом перегородил дверной проем, отрезая тщедушному Арсению путь к отступлению – Долго не шляйся только. Поняла?

– Я, пожалуй, тоже пойду. – беспокойно заблеял дядька, подорвавшись со стула и намереваясь выскользнуть вслед за Каролиной – Пока, Георгий.

– Арсений. – голос отца звучал отрывисто и зло – Ты задержись, разговор имеется. Важный.

«А, вас, Штирлиц, я попрошу остаться!» – фыркнула Каролина, вспомнив сцену из старого фильма, который обожал смотреть ее отец. Как выяснилось – не родной, а приемный. Тьфу, вернее, это она, Каролина – приемная. Тьфу, удочеренная. Может, папа и строг по причине гипертрофированного чувства ответственности за ее судьбу?

– Точно! – Каролина остановилась, зацепившись ляжкой рюкзака за ручку двери – Точно, поэтому! Переживает и беспокоится, как бы чего не вышло ненужного! От того и мозгоедство и ограничения всяческие!

– Ма, тебе как, полегчало? – Каролина заглянула в спальню к матери, лично убедиться в том, что маме стало легче.

– Все хорошо. – Наталья Евгеньевна бодрилась изо всех сил. Беременность протекала нелегко. Она страдала от токсикоза и еще ей было неудобно перед почти взрослой дочерью. Она-то же уже в возрасте, ей самой бабушкой становиться пора, а надумала рожать. Не осудят ли люди? – Мне уже значительно легче. А как там?

– Нормально там. – безразлично пожала плечами Каролина – Сейчас папа братца своего на путь истинный наставляет. Злится. Надеюсь, он ему хоть фонарь под глазом организует, кровопийце!

Наталья Евгеньевна рванулась было на кухню, но Каролина легко остановила ее.

– Сами разберутся – сказала она и усмехнулась, темно и недобро – Братья! Хоть раз в жизни дядьке укорот даст, а то, умный он больно!

Наталья Евгеньевна, поразмыслив, подоткнула под бок подушку и улеглась как можно удобней.

– Иди! – кивнула головой – Кирилл совсем заждался поди. Привет передавай.

– Угу. – виновато отвела взгляд дочка – Конечно, мам.

Девушка закинула рюкзачок за спину и поскакала вниз по лестнице – на душе стало легко и беспокойно одновременно.

Мать обманывать не хотелось, но не признаваться же? Тогда из дома вообще не выпустят!

Она, конечно же, еще не совсем свыклась с последними новостями, но особо по этому поводу не парилась – ну, не родной у нее отец, ну, удочерил он ее и что? У него от этого рога отросли или копыта лошадиные появились? Строг он был всегда, но Каролина никогда не чувствовала, что ее где-то и в чем-то ущемляют.

– Я подумаю об этом завтра. – словами известной героини разрешила непростую ситуацию девушка – на сегодняшний вечер у меня уже есть планы.

Выскочив из подъезда второй раз за этот длинный и насыщенный событиями вечер, Каролина нос к носу столкнулась со все той же, любопытной соседкой, ошивающейся во дворе ради каких-нибудь сенсационных новостей, которыми можно впоследствии поделиться с прочими скучающими тетками. Баба Рада стояла перед входом в подъезд, задрав голову вверх и к чему-то внимательно прислушивалась.

– Ой! Каролинка! – соседка острым взглядом ощупала девушку с головы до ног – А чегой-то, Георгий назад возвратился? Смотрю – летит, точно на пожар! Оглашенный! Чуть с ног не сбил... Я так и закружилась вся. Обмерла со страху! Ни здрасьте тебе, баба Рада, ни, до свиданья...

– Дежурство у него ночное отменили – пояснила девушка – вот и вернулся спешно. – Каролина не собиралась ни с кем, тем более, с болтливыми соседями, вести откровенные разговоры и обсуждать сугубо семейные дела – Сейчас футбол начнется, отец и торопился, чтобы не опоздать.

– Так-то оно так! – недоверчиво пожевала губами любопытная тетка – А... Вот, опять, орет кто-то! У вас, поди, голоса? Чего б?

Каролина явственно различила визгливый голос дядьки и злорадно ухмыльнулась.

– Наверное, гол забили – баба Рада того гляди, лопнет от любопытства – Вот и радуются... бурно! Наши забили! Пойду я, а то маршрутка – не такси, опоздаю, ждать не станет! До свидания, баба Рада, доброго вам вечера!

Любопытная соседка осталась стоять во дворе, задрав голову к чужому балкону, а Каролина помчалась прочь от двора. У нее намечалось свидание, и она не собиралась на него опаздывать.

Странное дело – во всяких там мелодрамах слезливых, героини главные, прознав про то, что родители у них не родные, сразу же начинали плакать, метаться по психотерапевтам и разыскивать своих биологических папаш и мамаш.

Зачем спрашивается?

Вот она, Каролина, подобной глупости не совершит. Да ни в жизнь! И к матери с распросами не полезет, тем более теперь, когда выяснилось, что они с отцом того.. гм.. В интересном положении.. Вернее, мать в положении. А у нее, Каролины, отец уже есть. Вырастил ее, выучил, воспитал, как смог. Хороший человек, лучший в городе хирург. А кто есть тот, её породивший, она, Каролина, не ведает. И знать не желает! Вдруг он убийца? Вор? Бомж? Что подлец, так то, точно. К бабке не ходи! Кто, как не подлец мог бросить беременную женщину на произвол судьбы? И зачем тогда ей такой папаша нужен? Для галочки? А как прицепится? Как клещ? Типа – доченька родная, как я скучал в разлуке, тосковал каждый день. Подкинь, роднулечка, денжат на старость!

Нет-нет, не надобно ей такого счастья!

Забыли и забыли!

Каролина ускорила шаг, переключившись с неприятных мыслей на более позитивный настрой. Она – молодая, красивая, успешная, почти принцесса и спешит к своему принцу. Ее ждут друзья и приятный вечер в чудесной компании.

Взгляд Каролины мельком зацепился за знакомый балкон, обтёрханный и неухоженный и девушка вновь нахмурилась.

Что за день!

Вот, опять в голову мысли полезли всяческие. В основном – невеселые.

В этот раз про Надю Кареву.

Про Надю думалось с грустью и печалью. Что ни говори, но в школе они почти дружили – толкались вместе на переменах, списывали друг у друга «домашку», в поход ходили и даже в кинотеатр выбирались пару раз.

Надька она веселая была, общительная, не смотря на предков, алкашей трудновоспитуемых. Стеснялась тряпок своих застиранных иногда, но училась хорошо и разговаривала правильно.

Домой постоянно спешила, к малым. Все думки лишь и были о том, как их вкусеньким угостить, да одеть-обуть. Приходилось крутиться девчонке, а что делать, коль родители совесть свою в бутылке с водкой утопили?

И где она теперь, Наденька Карева? Хоть и говорила Каролина о том, что сбежала бывшая подружка от тяжелой жизни с родителями-алкашами, но сама в те слова не больно-то и верила. Куда бежать-то, Надьке? Где ее ждут?

Заявление о пропаже внучки бабка старая подавала. Так в полиции поначалу его и брать не хотели – мол, девка молодая, загуляла где-то, известное дело! Вернется, как натешится, а им отчетность портить ни к чему.

Но к делу подключился домком с Надькиного дома, строгий дядечка в костюме, юрист бывший. Вместе с бабкой Надькиной отправился в полицию и заявление приняли. И вроде даже как искали девчонку. Ага, до автовокзала, а там, как отрезало.

Куда делась?

Каролина запрыгнула в маршрутку и присела на переднее сиденье, продолжая размышлять.

Надьку жалко – хоть и раздружились они, ну и что с того? Хорошая она девчонка, добрая, правильная, со своими тараканами, не без этого. Может и обойдется с ней – отыщется рано или поздно, вернется домой и малых заберет из приюта.

Сашка вот, не такая! Она, Каролина, во всем желает походить на старшую подругу – веселую, яркую, интересную! Парни на Сашку заглядываются, аж, шеи сворачивают. И компания

у них подобралась классная – они с Александрой и Андрей с Сергеем. Пусть и знакомы они с парнями всего ничего, но видно же, что ребята им достались серьезные, обстоятельные, не малолетки какие неоперившиеся!

Как Кирилл.

О Кирилле Каролине думать не хотелось – зачем себе голову забивать лишним? Расстались, так расстались. Не маленький – переживет!

Отыщет себе какую-нибудь простушку без претензий, а у нее, Каролины, теперь иная жизнь, взрослая и интересная.

Она не какая-то там, школьница зеленая, а почти барышня на выданье! И мама зря в Андрее сомневается. Он вовсе не проходимец. Ничего-то с ней, Каролиной, не случится. Она же умная. Она не пропадет, как Надя Карева. У нее хорошие, надежные друзья, на которых всегда можно положиться. Ни Сашка, ни Андрей не бросят ее в трудную минуту. В том Каролина была точно уверена!

**

После яростной перебранки с младшим братом, Арсений Анатольевич Skorobogatov, из квартиры где его так скверно приняли, вылетел шипя и плюясь.

Выгнали его точно пса шелудивого!

А ведь он в этой квартире вырос считай. Помнится, на обоях еще карандашиком кружочки малевал, ручонками детскими.

Где они теперь, обои те? Где года детские, сладостные?

Ярился Арсений, бородку куцую топорщил воинственно, бубня что-то невнятно, по лестнице бежал, спотыкался, словами нехорошими родственников вспоминал – и братца своего малахольного, грешника, делами неправедными занятого, и жену его, блудодейку непраздную, и дочь непутевую, бесовку окаянную.

Но признаться, хороша выросла девка! Загляденье!

Арсений облизнулся невольно, вспоминая созревшие прелести красивой молодки.

И не племянница она ему вовсе и от того, мысли его не греховны, а вполне себе правильные. Хорошо бы девку эту, к ним на радение отвести, к таинствам благим приобщить, дабы пало семя греховное к ногам кормилицы и приняло путь правый и праведный.

Эх, пригожа кормилица на их корабле. Богородица Аникея – высока, стройна, грудаста. Глаза у нее живые, яркие, губы – сочные, сладкие, как духмяная земляника-ягода июльской порой и голос томливый. Млеет он, Арсений от голоса того манящего, плавится в руках ее мягких, на все готовый за ради одного лишь бровей движения. Только мягко стелет Аникея, да спать жестко – властна баба, дерзка, горделива. Паству свою держит в рукавицах ежовых, трепыхнуться не дает. И то слово – паства. Три десятка баб с мужиками. Все какие-то замухрыжистые, робкие. Один он, Арсений – орел! Молодежи мало среди них. Телом славных, да духом сильных, не сыскать. Надо бы кровь обновить, струю свежую впрыснуть в круг их узкий.

Вновь Арсений облизнулся и кровь его взыграла ретиво – есть молодка одна. Строптивая малость, неучена. Никак не желает воле кормилицы покориться. Уж и так они с ней, и этак, а она все супротив норovit.

Дюже глянулась она Арсению и в жены духовные девку ту и позвать бы он не прочь, да только не хочет семя бесовское воле вышней покориться, плюется, брыкается. Мужа, властью горней данного, не принимает. Уж и по- хорошему с ней, и по- плохому, а она все не соглашается. Но умна богородица Аникея, сметлива и прозорлива, придумала способ отличный, дабы укротить строптивцу. Глядишь, и сладится дельце-то и введет в свой дом Арсений жену молодую, раскрасавицу, пылкую да горячую, годов его зрелых утеху, всему кораблю на радость и восхваление.

От того и жалила зависть сердце его, укором кусала – брат-то, в хоромы многокомнатных жирует, а он сам, с женой молодой, в хатенке убогой проживать станет? Он, праведник, по пути истинному идущий?

И что с того, что он сам ту квартирку восхотел? Ранний был, глупый, не познал еще истины, не разглядел дорогу свою. Хотелось ему тогда, по молодости лет, отдельно пожить, без догляда старших, да и больно тяжела рука была у отца – чуть что не по нраву его, так и норовил старый хрыч палкой своей ума-разума неслауху добавить.

Вот брат младший и остался с бабкой скрюченной, доглядывать каргу старую. Так квартира ему и прилепилась.

А он, Арсений, как же?

Продать надобно жилплощадь спорную, да деньги и поделить разумно – часть большую ему, как старшему, а остатное – братцу непутевому.

Ишь, гаденыш, волю всевышнюю извращает, в теле человеческом копается. Божью волю ручонками своими погаными, рушит! Грех то великий есть. Богородица Аникея раз за разом Арсения никчемной родней укоряет. Стыдно праведнику брата безбожника иметь, ой, как, стыдно-то!

– Здрав будь, Арсений! – соседка Георгия, баба Рада аж светилась от любопытства – чего ж так скоро из гостей-то тебя поперли? Да и Георгий, смотрю, бегом до дому мчался. Небось соскучился сильно. По братцу-то?

– Не твоё дело, старуха! – огрызнулся Арсений Анатольевич, будучи сильно не в духе – Прочь пошла, ведьма старая! Любопытна больно, как бы не вышло чего!

– Старуха? – соседка глаза округлила – Я-то, старуха? Ах, ирод! Так ты ж, Арсений, всего-то на пару годков моложе! И как язык поганый повертается у тебя, глаза твои бесстыжие? Вот я тебе сейчас задам, кобель брехливый! – В руках разобиженной соседки болталась сумка, в которой и было-то, всего ничего – пачка соли, батон хлеба белого, да банка с томатной пастой. Литровая. Этой самой сумкой женщина так приголубила праведника по хребту, что тот, скорчившись неподобно, отскочил от скаженной тетке прочь, норовя оказаться как можно дальше и от тяжелой сумки, и от длинных рук, ею размахивавших.

– Святоша плешивый! – плевалась баба Рада, голося на весь двор – правильно Георгий тебе, паскуднику, под зад коленом присунул! Давно пора было гнать тебя метлой поганой прочь! Кровопийца! Думаешь не знает никто, чем вы там, охальники, на игрищах своих промышляете? Распутники! Пакостники! Тюрьма по вам всем плачет, слезами горячими!

Тетка вдохнула воздуха, побагровела от натуги, но затихать и не думала, надувшись гневно, разбухнув, точно сизая туча перед ливнем.

– Вот пойду-ка я до участкового прогуляюси.. Расскажу ему о делишках ваших всяческих, неподобных! Старуху он нашел, черт плешивый... Я тебе счас остаток растительности на тыковке прорежу... Стой, куда побег?

Фыркал Арсений, плевался, да от соседки гневливой пятился задом, аки рак растопырчатый. Дура баба, ой дура! Смирения в ней нет и разум отмер – разве можно так на божьего человека кидаться? Счастье ее, что он, все ж понятие имеет о поведении праведном, а, то б, он...

И представилось Арсению как наглая соседка на радении ближайшем, разум поправляет свой, угасший почти, а он, Арсений, вразумляет ее и наставляет хлыстом верным, да руками умелыми. Небось, сразу бы в память пришла и о Боге вспомнила! Бесстыдница грешная!

Все они в доме этом безбожники окаянные и братец родной, и семья его, и соседи... Всех их, вразумить не мешало бы, за ради их же душ, почти пропащих.

Так шествовал Арсений Скоробогатов по улице, размышляя о том, что луна уже полная, а самая короткая ночь года уж близка. Аникея всех соберет на радение и жену его духовную общине-кораблю представит. И поплывет счастьем объятый Арсений с жинкой духовной к

жизни новой, горней, светлой, благодной, с благословения общего, а дабы не противилась молодка воле его, каждый в общине к ней прикоснется, сладости тела ее отведаёт и собственной благодатью поделится.

А братцу родному и семейству его – анафема и муки адские.

Аминь!

Глава 2 Глупое пари

... Андрей и Саша ожидали Каролину за три квартала от ее дома.

Сергей, закадычный друг Андрея Добрынкина, покупал баночное пиво и сигареты в ближайшем ларьке, заигрывая с продавщицей, прыщавой девицей, лет двадцати.

Сергея заливал соловьем, охмуря глупышку, ничуть не смущаясь присутствием Саши, вроде бы считавшейся его девушкой, а приятель его, Андрей слегка посмеивался, незаметно для той.

Разбитной Серега всегда вел себя так – заигрывать и охмурять, для него, обычное дело.

Купив упаковку пива, Сергей, вразвалочку направился к машине, и Андрей весело хмыкнул – девчонка по пояс высунулась из окошка пивного ларька, наблюдая за тем, как длинноногий, блондинистый Серега загружает в тачку покупки и загружается сам.

– Охота прошла удачно? – Андрей не сомневался в ответе, но все же спросил – Что, запала? Телефончик урвал, плейбой?

– Они всегда западают! – равнодушно ответил приятель, открывая банку пива и передавая следующую Андрею – Нафига она мне? Страшко прыщавенькое, пусть ботаны развлекаются.

Саша, невысокая, платиновая блондинка, изящно поправила ляжку коротенького джинсового сарафанчика, выгодно обтягивавшего ее точеную фгурку, ревниво покосилась на кавалера и спросила:

– Чем сегодня займемся? Пойдем в кафе или ты продолжишь всяких страшилок клеить? Куда они только суются? Сама – уродка-уродкой, но на чужих парней заглядывается. Хоть бы мозгами своими куриными пораскинула и поняла, что не светит ей ничего... Тоже мне – Прыщавая королева!

Сергей ухмыльнулся с ленцой.

– Ревнуешь, детка? Сегодня я клею только тебя!

– Что делать будем? – Саша удушила свою ревность, но решила вести себя, как капризная маленькая девочка. Сергею она нравилась, девушка чувствовала это, а остальные? Ну, что ж... Когда-нибудь он поймет, что Саша, на самом деле, и есть та, единственная и неповторимая!

Сергея с Андреем переглянулись и загадочно заулыбались – явно что-то затеяли, слишком хитрые у них стали лица.

Саша вздохнула – Каролина запаздывала. Подругу могли не отпустить родители и тогда весь вечер пойдет коту под хвост.

Честно сказать, Саша уже почти жалела о том, что познакомила Андрея и Каролину.

Андрей, большой любитель девушек слегка за тридцать, большегрудых и хорошо зарабатывающих, почему-то повелся на Каролину, совсем молоденькую и глупенькую девочку.

С чего бы это? Явно не от большой и чистой любви.

Девчонкой Каролина была симпатичной, но не более, не красотка, да и на модель не тянула. Добро бы родители богатые имелись, которым зять требовался – так, нет же, не водилось у родителей Каролины больших денег.

Обычная девочка, домашняя, милая.

Зачем она Андрею?

Разве что, для списка?

Каролина, естественно, купилась на сладкие речи, а Саша насторожилась – не в привычках Андрея тратить время и, главное – деньги, на бесперспективную телку. И вдруг...

К тому же, Андрей не афишировал своих отношений с юной девушкой – встречался с ней не часто и всегда украдкой, точно чего-то опасаясь.

Разумеется, Саша знала все из первых уст – у Каролины не было секретов от подруги и все происходящее, более зрелой и опытной девице, нравилось все меньше и меньше.

«А может, это любовь? – в который раз, взглянув на широкое, не очень красивое, но самоуверенное лицо приятеля, подумала девушка – Бывает же такое в жизни – любовь, с первого, рокового взгляда?» – и, подумав хорошенько, вздохнула глубже – Не тот случай!»

– Каролина идет! – подтолкнув задумчивого приятеля в бок, воскликнул Сергей – Привет, Каролина!

Та, заметив Андрея, расцвела яркой улыбкой, став такой хорошенькой, что у Саши даже сердце защемило.

В светлых, узеньких джинсиках, в топике, с крохотной сумочкой-рюкзачком, в виде мохнатого розового зайчика, Каролина казалась школьницей, решившей тайком от родителей сбежать на дискотеку. В легких спортивных туфлях, она двигалась грациозно, точно танцуя. Под тонкой тканью топика, как было известно Саше, Каролина скрывала большой, старинный серебряный крест, на толстой, черненой цепочке. Украшение ужасно нравилось Саше, но подруга почему-то стеснялась и прятала нестандартную вещичку под одеждой. По мнению Каролины, украшение выглядело грубовато и вызывающе, но девушка любила его и дорожила им, как старинной семейной реликвией. К тому же, была одна особенность у этой необычной вещички – длинное, трехгранное лезвие, ужасно острое. Оно пряталось в узорчатые ножны и с первого взгляда никто не мог догадаться о том, что они хранят в себе острое жало клинка.

В общем – отличная штукавина! И красивая, и дорогая, и стильная!

«Зря, зря я их познакомила! – запоздало запаниковала Саша – гуляла бы она со своим Кириллом и горя не знала! Андрей разобьет ей сердце, сделает несчастной, а все я, по моей вине! И что она только в нем нашла? – удивилась Александра – Обычный парень, как все. Мой Сержик, хотя бы, красавчик редкостный!»

Но Каролине, естественно, Саша ничего не сказала и лишь чмокнула девушку в щечку, в знак приветствия.

Саша являлась для Каролины примером во всем – яркая, уверенная в себе, хорошо зарабатывающая девушка мигом определила новую подругу на курсы продавцов и пообещала помочь той с трудоустройством. С работой и в поселке Ясиневка, отдаленном городском микрорайоне, где проживала Каролина и в Каменске, том самом, городке–стотысячнике, расположенном по – соседству, всего в пятнадцати километрах, как и по всей стране, было напряженно, и девушке, без опыта работы, пусть даже имеющей дипломом с отличием, устроиться на престижное место, казалось, почти нереально. А тут такой шанс!

И Каролина старалась изо всех сил – все экзамены и тесты девчонка сдавала на отлично, а рекомендация директора магазина, лишь упрочила бы ее позицию.

Мускулистый Серега, кавалер платиновой блондинки Александры, презрительно скривился, стараясь делать это незаметно. Смотрел он на улыбающуюся Каролину и фырчал себе под нос.

«Поглядите только – солнце взошло! Пришла, долгожданная наша! Одолжение великое сделала нам грешным, малолетка сопливая! Еще сиськи нормальные отрастить не успела, а туда же... Целка-бабочка! Носится со своей невинностью, как дурень с писаной торбой! Была бы сговорчивей, глядишь, все иначе бы и сложилось!»

Но он, как и все остальные мило поздоровался с Каролиной, уморительно сложив красивые губы дудочкой и нежно целуя девушки кончики пальцев на руке.

– Потрясен, польщен и сражен в самое сердце! – заявил Сергей, томно посматривая на покрасневшую Каролину.

– Но-но! – тут же возмутилась Александра, грозя парню стильной сумочкой из серии «Барби и ее розовые штучки» – оставь Каро в покое, ты, все же, мой парень! Не забывай об этом!

– Не забуду! – дурашливо приложив к груди ладонь, поклялся Серега – Гадом буду – не забуду! – но глаза его при этом оставались равнодушными и холодными.

– Ух ты! – Сашка, счастливо улыбаясь, облапила Сергея за талию – И это все мне? – нащупав тугие кубики на прессе, воскликнула девчонка – Отпад! Какой же ты клевый Торбинский!

– Вот именно! – Сергей самоуверенно задрал подбородок – Всегда помни об этом!

– Пойдем сегодня в кафе? – веселым голосом поинтересовалась Каролина. Она старалась не обращать внимания на, слишком пылкие обжимания, и страстные поцелуйчики Сашки и Сергея и всего лишь целомудренно чмокнув своего разлюбезного Андрея в небритую щеку – Или в парк, погуляем?

Легкая щетина добавляла кавалеру шарма и сексуальности, к тому же, так забавно кололась при поцелуях...

Мысль о прогулке с Андреем по темным, укромным аллеям парка не казалась Каролине отвратительной – вон он, какой здоровый, любую дворовую шпану разгонит в два счета! Это вам не Кирилл, интеллигентный и воспитанный маменькин сынок! Тот, наверно и драться то, толком не умеет! Во всяком случае, за два года что они встречались, Каролина ни разу не видела, чтобы Кирилл с кем-либо сцепился.

«К тому же – щеки девушки предательски порозовели – В парке вечером мало народа, да и укромных местечек хватает. Может быть сегодня они с Андреем, вновь оставшись наедине, решатся...»

Конечно, Каролина считала себя порядочной девушкой, но ведь нынче совсем другие времена и не обязательно хранить «то самое, дорогое» до свадьбы? Кого сейчас интересуют подобные мелочи?

– У ребят какие-то планы, Каро! – Саша тряхнула аккуратно уложенными волосами и подкрасила губы перламутровой помадой – Только они не признаются, переглядываются, как партизаны. Колитесь уже, заговорщики – шутливо толкнув Сергея, потребовала она – Чего вы еще задумали?

Андрей снисходительно усмехнулся – девчонки, они такие предсказуемые!

– А, у нас все с собой! – Сергей довольно хлопнул по упаковке пива – Чипсы, шоколад и пиво! Чем не пикник? Поедем, оттянемся на природе! Благо – погода шепчет и никакого намека на дождь!

Каролина застенчиво улыбнулась – с любимым – хоть на край света!

«Любимый! – украдкой вздохнула Каролина, искоса поглядывая на Андрея – Неужели она влюбилась? Как здорово! Как интересно!»

Взревел мотор, и вишневая «Киа» рванула с места, запылив всю улицу.

Вслед ей забрехала какая-то унылая подворотная шавка, лениво и без интереса.

– Куда едем? – слегка забеспокоилась Саша, заметив, что Андрей, уверенно выехав из центра поселка, направился на узкие, грязные боковые улочки – Эй, алле, командир, экипаж волнуется!

Серега, держа в одной руке дымящуюся сигарету, а другой обнимая румяную Александру, таинственно улыбался.

Сизый дым витал по салону, и Каролине все время хотелось чихнуть. Дым тупо лез в нос, был он сладковатый и какой-то тягучий, совсем не похожий на сигаретный.

Андрей прибавил газу, и машина рванула по грунтовке, точно большой, откормленный зверь. Право отвечать на вопрос он предоставил приятелю.

– Кто-то вчера проспорил желание? – хмыкнул тот, не больно ущипнув подругу за щеку – Кто бы это мог быть?

Саша звонко рассмеялась – так вот в чем дело! Сергей, противный мальчишка, собрался стребовать с нее долг.

Точно-точно – накануне вечером, она проспорила ему в каком-то дурацком споре одно желание и намеревалась твердо исполнить обещанное. Подумаешь, знает она эти тупые мальчишеские приколы. Все, как всегда, ничего оригинального!

Небось, сейчас они заедут в какое-нибудь уединенное местечко, и Серега попросит ее станцевать стриптиз или, еще какую-нибудь лабуду придумает!

У парней все мысли обычно располагаются ниже пояса, особенно когда они остаются наедине с подружкой и им никто не мешает.

Саша примирилась даже с присутствием посторонних – Андрея и Каролины.

Тело у нее было красивое, девушка его любила и холила, а обнажиться в непристойном танце – делов-то!

В прошлом году, на корпоративной вечеринке, они с подружками, еще и не такое вытворяли – пляска на столе топлес прошла на «Бис!» и запомнилась всем присутствующим на том зажигательном пати, надолго.

Лицо у Александры стало хитрым и оживленным, Каролина слегка расслабилась, заметив, что подруга особо не волнуется.

Все-таки, слова и нравоучения мамы не прошли даром – подсознательно она ожидала от Андрея какого-то подвоха, но тот лишь посмеивался, пожимал плечами, продолжая вести машину и шептал на ухо хихикающей девушке забавные анекдоты.

Поселок закончился и впереди замаячил дачный район – огромная территория заброшенных участков, оставленная, как неперспективные владения деятельными горожанами и немедленно оккупированная целой армией бродяг, бомжей, переселенцев, беженцев и прочим криминальным элементом.

Каролина ни разу не посещала данную территорию, предпочитая объезжать опасный район на автобусе или, каком другом, общественном транспорте.

Она всерьез боялась за собственную безопасность – в «Садах», а именно так назывался этот заброшенный пустырь, расположенный между городом и Ясиневкой, постоянно происходило что-то страшное, криминальное – убийства, грабежи и изнасилования чередовались с завидным постоянством.

Полиция, конечно же, пыталась навести хоть какую-то видимость порядка, но усилия, прилагаемые стражами порядка, пропадали впустую – криминальная обстановка с каждым днем лишь ухудшалась.

К тому же, начальником поселкового отделения полиции, недавно назначили молодую женщину, некую Элеонору Акулову, про которую болтали разное, но сходились в одном – не потянет.

Район славился конфликтами на национальной почве, грабежами и прочими малоприятными явлениями.

Предыдущего начальника, тихого алкоголика, любящего взятки и молоденьких девушек, незаметно, спровадили на пенсию, после одной из многочисленных жалоб, разбираться в которой взялась областная прокуратура.

Только вот до «Садов» не доходили руки областных прокуроров и полицейских.

Никто толком так и не знал, какое количество людей постоянно обитает в «Садах», да никто и не пытался их подсчитывать.

Бомжи, побирушки, беспризорные дети, просто какие-то, вечно пьяные бабы, целыми днями таскались по округе, подворовывая, клянча деньги и просто слоняясь, в надежде на случайный заработок, а, ночью их поглощали «Сады», втягивающие в себя эти отбросы общества, точно гигантская клоака.

Огромное, серое здание возникло среди буйной поросли одичавших деревьев внезапно, точно замок с привидениями.

Каролина даже вскрикнула от неожиданности, но замолчала, наткнувшись на насмешливый взгляд Андрея.

– Моя маленькая девочка чего-то испугалась? – парень остановил машину у ржавых, скрипучих ворот, приглашающее распахнутых, в ожидании неожиданных гостей – Ты не бойся, местечко пустынное, мы с Серегой не раз проверяли! Правда, Серег?

Блондин энергично кивнул, обшаривая взглядом сереющее небо.

В сентябре, а стоял, именно, тихий, теплый сентябрь, когда дни, по – летнему, жарки, а ночи – холодны, темнеет как-то сразу, внезапно.

День сменяется ночью, черной, как чернила, пропустив вечер, как ненужную деталь, и лишь луна, огромная и яркая, как сегодня, освещает окрестности мертвенно-бледным светом.

– Пикник? – задумчиво нахмурилась Саша – Здесь? Это же заброшенный больничный комплекс! Ему – сто лет в обед! Мне еще бабушка рассказывала о том, как его строили.

Александра была права – громадное пятиэтажное здание из серого, мрачного кирпича, зияющее черными провалами окон навевало только унылые мысли. Почему-то при одном лишь взгляде на неприветливое строение, мороз начинал ползти по коже. Даже бесшабашная Александра, в свои двадцать два года уже успевшая повидать кое-что не особо приятное, ежилась и сопела.

Поговаривали, что типовой больничный комплекс, построенный всем миром еще в сытые восьмидесятые, уютно расположился на руинах более старого здания, какого-то завода или даже дореволюционного поместья... Главное – разрушенный и брошенный уже довольно давно он отталкивал от себя любопытные взгляды, внушая опасение и недоверие одним лишь своим видом.

Здание медленно разрушалось – проседала крыша, по кирпичным стенам змеились темные потеки, окна щерились провалами, а вся немалая территория, прилегающая к былому величию, заросла деревьями и густым кустарником, образовавшими настоящие дебри – страшные, влажные и непроходимые.

Знающие люди утверждали, что в дикой чаще водятся не только длинноухие зайцы и лисы, белки и куропатки, но и кабаны, опасные своей яростью и непредсказуемостью.

Каролина особо не верила в эти рассказы, но и проверять их правдивость ничуть не стремилась.

Она вообще бы и на пушечный выстрел не подошла бы ни к Садам, ни к эти руинам, страшным своей безысходностью и каким-то отчаяньем.

Парни и в ус не дули – что им какие-то страшилки, способные напугать лишь сопливых малолеток? Эти девчонки вечно что-то усложняют!

Андрей ухмыльнулся и вышел из машины.

Он распахнул дверцу и галантно предложил руку оробевшей Каролине.

Девушка покинула теплый салон неохотно и с опаской – незнакомое место пугало ее.

Вокруг, везде, куда только она не направляла взгляд, царило переплетение деревьев и кустарников, росших привольно и бесконтрольно.

Дикие заросли заполонили округу и лишь широкая, асфальтированная дорожка, ведущая за провисшие, проржавевшие ворота, выглядела свободной от буйства природы.

Не смотря на компанию, Каролине стало страшно – никто не знал, что они поехали в это место. Мало ли кто мог притаиться в кустах? Вдруг, там спрятались какие-нибудь отморозки с арматурой в руках?

И вообще – брошенное местечко напоминало ей картинки из популярной компьютерной игрушки, то ли про Зону, то ли, про Чернобыль. Один к одному – ночь, развалины и густые заросли...

– Дичь! – улыбалась Саша, которая, по всей видимости, слегка струхнув, пыталась сама себя подбодрить – И вы считаете, что это хорошее место для пикника?

– Отличное местечко, Сандра! Чем ты так недовольна? – хохотнул Серега, косясь на приятеля – Мы с Андрюхой не первый раз сюда приезжаем, все местные тропки изучили! Тишина! Красотища! И никаких тебе господ полицейских! Делай, что хочешь, никто не помешает!

Каролина невольно поежилась, а, Саша ревниво взглянула на кавалера – мысль о том, что её приятель привозил сюда своих прежних подружек, ее как-то не вдохновляла.

Андрей уловил ее сомнения и поспешил вмешаться:

– Бомжи не любят эти развалины, а вот мы... Мы частенько с приятелями сюда наведемся – место создано для ролевых игр! Понимаешь – пейнтбол, войнушка, то да се.. Мужские забавы.

Саша заметно расслабилась – какая же она, все – таки, дура! Конечно же – мужские игры, недоступные пониманию женщин! Как она могла забыть, Сергей же рассказывал ей о том, как они с друзьями привыкли развлекаться. Только она никогда не думала, что они делают это в столь жутком месте! В самом-то деле – не в центре же Каменска им изображать из себя партизан!

– Сандра! – Серега ласково обнял девушку за плечи, касаясь пухлыми губами румяной щечки, от которой приятно пахло ванилью – Ты же хотела отправиться с нами в поход – слегка подурачиться, отдохнуть, развлечься. Сама жаловалась на то, что все осточертело – работа, нудная тетка, серые будни! Подруга – ты же хотела праздника!

– Праздник я представляла себе как-то иначе. – негромко пробормотала Саша, с опаской взглядываясь в густые заросли дикого кустарника – в них что-то прыгало, шуршало и пищало. Какая-то живность, Сашке неизвестная, а все неизвестное девушку напрягало и пугало.

– Я не против зачислить тебя в команду, но мы должны быть уверены в том, что ты не струсил, не подведешь в самый ответственный момент, не испугаешься! – Сергей лениво приобнял девушку за плечи, с таким видом, словно делал подруге великое одолжение – Ты только представь, как круто вы с Каро будете выглядеть в камуфляже! Какие фотки сделаете! Отпад! Все твои подруги с ума сойдут от зависти – их-то, гусынь ошипанных, никто и никогда не пригласит на подобное мероприятие.

– Или – Добрынкин, подражая приятелю прижал к себе Каролину – Струсил, а, Сандра? Нам с Сергом балласт в команде не нужен!

– Я?? – Саша поразились до глубины души – Испугаюсь? Чего, этих нелепых развалин? В свои двадцать два года, Саша не боялась никого и ничего.

Сильная, спортивная, смекалистая, она любые испытания преодолевала на «Ура», легко и непринужденно. Даже налоговая инспекция не могла напугать ее, а тут какие-то дешевые понты – Что, делать-то нужно? Изобразить из себя диверсантов?

Сергей и Андрей загадочно переглянулись.

– Я сегодня утром спрятал в одном из коридоров забавную и очень дорогую вещичку – медленно, интригуяюще принизив голос, проговорил Сергей – Тебе нужно просто пойти туда и отыскать ее.

–Туда? – Саша недоверчиво перевела взгляд на огромное, серое пятиэтажное здание, маячевшее в отдалении – В эти руины? Да мне полжизни понадобится для того, чтобы обойти все эти развалины в поисках той самой вещички!

– Боишься? – Сергей нагло подмигнул вконец оробевшей Каролине – А я-то думал, что ты у меня смелая девчонка, настоящая подруга Тарзана! Не тянешь ты на Джейн, Сандра! Ой, не тянешь!

Неизвестно почему, но Сергея действительно, кое-кто из знакомых прозвал Тарзаном. Наверное, из-за длинных, по плечи, светлых вьющихся волос, загорелой, бронзовой кожи и накачанной, как у культуриста, фигуры.

– Слышь, ты, Тарзан недоделанный! – Саша неожиданно вышла из себя – Ничего я не боюсь. Просто ты притащил нас сюда, ночью, да еще и отправляешь, черти куда. Пойди туда, не знаю куда, отыщи то, не знаю, что. Конкретней можно? Огласите, так сказать, весь список!

– Тебе понравится! – басом хохотнул Сергей, прикладываясь к очередной банке пива – Приготовлен для тебя, моя милая, большой сюрприз, неожиданный, сногшибательный, прямо – таки, *смертельно* интересный! Он где-то там, оригинально упакованный, ждет, не дожидается, когда ты придешь и его найдешь! К тому же, – добавил он – большинство коридоров, наглухо запечатаны, оставшихся – не так много. Долго вам, девушки, блукать не придется.

– Сюрприз? – воодушевилась Саша, мигом представившая себе дорогое обручальное кольцо – честно-честно?

– Вам? – поразились Каролина, заподозрив подвох.

– Честно-честно! – продолжал ерничать Сергей – А если боишься, можешь Каролину с собой прихватить, в качестве группы поддержки! Ты, как, Каролина, согласна или уже штанишки намочила от страха? Маленьких девочек всегда легко испугать! Может быть тебе еще нужно в куклы играть, а не в настоящие взрослые игры?

Каролина, еще мгновение назад намеревавшаяся решительно отказаться от авантюры, услышав про мокрые штанишки и кукол, возмущенно засопела.

Слов нет – девушке совсем не хотелось идти в развалины, на поиски мифического золотого руна, но представив себе наглую и довольную рожу Сергея, который еще долго станет подтрунивать над ее страхами, Каролина решила.

К тому же, бросать подругу в щекотливой ситуации, она не собиралась, да и выглядеть в глазах Андрея трусихой, вовсе не хотелось.

– Фонарик нам полагается? – девушка решительно отстранилась от Андрея, который, молча наблюдал за происходящим – Без света мы себе все ноги переломаем!

– Наша девушка! – подмигнул ей Сергей, чье лицо показалось Каролине несколько бледным и напряженным – Смотри, Сандра, малая, а не дрейфит! Учись!

– Фонарик! – Каролина, взяв инициативу в свои руки, отступить, не собиралась – И еще, найдите нам палку потяжелее, мало ли что!

– Держи! – Сергей протянул девушке небольшой китайский фонарик – Не бойтесь, там довольно уютно, хоть и обветшало все. Ни бомжей, ни крыс, ни привидений! Не зачем тащить с собой тяжести, разве что от комаров отмахиваться!

«О привидениях – это он зря сказал! – подумала Каролина, крепко ухватив Сашу за руки – Сашка и без того вся трясется!»

Подозрительно быстро отыскалась увесистая дубинка. Ее, равно, как и фонарик, Сергей извлек из багажника.

«Подготовились, гады! – бесшабашно подумала Каролина – Ишь, ухмыляются, смешно им! Думают, что мы струсим!»

Ей не хотелось разочаровывать Андрея.

В отличие, от своего приятеля-балабола, парень больше молчал, лишь глаза его, такие красивые, жгучие, почти черные, влажно поблескивали в темноте.

В руках Андрей вертел связку ключей.

«Чего это он? – подумала Каролина – Нервничает? С чего бы это? Ааа! – догадалась девушка – Это он за меня переживает, волнуется, как бы чего не вышло! Какой же он, все-таки, милый!»

– Мы готовы! – Каролина решительно вооружилась палкой, сунув в руки Саше фонарик – через полчаса вернемся с вашим сюрпризом. А вы, за это, ведете нас сегодня вечером в «Жар-Птицу» и угощаете мартини! Хватит с нас вашего пива, хочется комфорта, танцев и красивой жизни!

– Да-да! – засмеялась Саша – Гулять, так гулять! Хотим мартини и ананасов! Ты на ананасы зарабатываешь? – она шутливо толкнула Сергея – Потянешь «Жар-птицу»?

– А как же! – ухмыльнулся Сергей – Что, нам стоит? Ты же, не в «Домино» намылилась, а в «Жар-птицу», так что, конечно, потяну.

Сердце Каролины сладко замерло – она никогда не была в «Жар-птице», не позволяли финансы, да и Кирилл водил ее в кафе попроще.

«Экономил! – обидчиво поджала губы девушка – Вот Андрей, он не такой! Ему для меня ничего не жалко!»

Каролину смущала лишь мысль о том, что заявится она в клуб в простеньких джинсах и топике, а, хотелось бы, в вечернем платье, том самом, синего цвета, плотно облегающим ее стройную фигурку. Саша говорила, что Каролина в нем – просто отпад! И волосы, хорошо бы уложить в прическу, а то, хвостик, это, как-то, по-детски!

– Мы пошли? – предложила она – Надеюсь, что без нас веселье не начнется?

Сергей согласно хмыкнул и махнул рукой, словно давая отмашку.

Девушки развернулись и с независимым видом исчезли за воротами.

Некоторое время приятели, просто молча курили, изредка попивая пиво и любуясь луной, заполнившей собой темные небеса.

– Как ты думаешь – первым нарушил молчание Андрей – Они не повернут назад, не струсят?

– Они-то? – хмыкнул Сергей, выбрасывая в заросли кустарника пустую пивную банку – Куда им! Пойдут, как миленькие! Сейчас расслабятся, успокоятся и будут искать обещанный сюрприз! Сашка – она упертая, да и деньги любит!

– А Каролина, та совсем, без царя в голове! – Андрей презрительно сплюнул под колеса машины – Это ж надо, такая доверчивая! Одно слово – малолетка!

– Ну, да! – поддержал приятеля Торбинский – Две девчушки – целка и шлюшка! Самое то, что доктор прописал!

Где-то в небесах громко ухнул филин, отправившийся на охоту, нудно зудели кузнечики, прощаясь с теплым летом.

На луну набежала черная тучка, и стало совсем темно, жутко и сыро.

– Куда поедем отдыхать? – Серега хлопнул приятеля по плечу – Эй, очнись, о чем задумался?

– Никак не привыкну! – пожаловался Андрей, стряхивая с брюк невидимые пылинки – Который раз, а не привыкну, все боюсь, что сорвется!

– Не сорвется! – обнадежил приятеля Сергей, усаживаясь в машину – Давай, в «Жар-Птицу» завалимся! Хорошую идею Сашка нам подала! Хочууу мартини! – смешно вытянув губы трубочкой, спародировал он подружку – Побалуем нас, любимых! Снимем себе грудастых телок, оторвемся на всю катушку! А что – заслужили!

– Девка нас запомнила – буркнул Андрей – Нашел время – баб клеить. Расспросы начнутся, так она сразу к полициям побежит, докладывать. Как бы нам не спалиться.

– Девку я беру на себя – криво ухмыльнулся Сергей, плотоядно чмокнув пухлыми губами – Она, как и твоя Каролина малахольная, малолетка совсем. Сопля зеленая, а туда же! Запала на меня, без вариантов! Что захочу с ней, то и сделаю! Не бойсь – к полициям она точно не попадет. Займусь ею сразу же.

– Тогда – лады. – успокоился Андрей, косо посматривая на приятеля. Тот равнодушно затягивался сигаретой и уже мысленно развлекался в «Жар-птице».

Андрей сел за руль и завел мотор.

На мгновение он приоткрыл окно и что-то выбросил на траву.

С легким шелестом, на примятую колесами, жесткую зелень, упал веселенький розовый рюкзачок в виде мохнатого ушастого зайца.

Фары выхватили из темноты дикие заросли, брошенный мусор и ржавые ворота.

Андрей снял с рук черные автомобильные перчатки, сунул их в карман и небрежно сплюнул через окно в пыльную траву.

Мотор взревел, «Киа» сорвалась с места, дыхнув, точно перегаром, вонючим дымком, развернулась на крохотном пяточке и скрылась за поворотом.

В «Садах» снова воцарилась тишина, и лишь неугомонный филин продолжал ухать где-то в темных вершинах, да глазастая луна роняла мертвенно-бледный свет на землю, точно серебристые слезы.

Глава 3 Древний ужас

... Они преследовали врага третьи сутки. Пятеро молодых парней, здоровых и крепких, шли по незнакомым, враждебным горам, оставив далеко позади друзей.

Горная Румыния встретила Красную армию-освободительницу, неприветливо.

Население, угрюмые, бородатые горцы и их пугливые черноглазые женщины, прятались от солдат по домам и тайным убежищам.

В горах, то и дело вспыхивали перестрелки – враг отступал, огрызаясь и оставляя после себя трупы, но командир Красной армии, Михайличенко Петр Емельянович, никого щадить не собирался. Он твердо решил, что дойдет до Берлина и домой вернется героем. Трех фрицев, все, что осталось от диверсантов, взорвавших комендатуру вместе со старшими офицерами, Михайличенко догонит, во чтобы то ни стало. Догонит и прикончит, быть может даже собственными руками. Его и бойцов не пугали ни отвесные горы, нависающие над селениями, точно дамклов меч, ни густой серый туман, ползущий с вершин, подобно ожиревшей змее, ни жестокость врага, погубившая так много их товарищей по оружию.

Красноармейцы, шли по горной тропинке, молча, сосредоточенно, тщательно наблюдая за местностью – хитрый враг мог затаиться за любым камнем, скалой, спрятаться в расщелине, в густых зарослях невысокого кустарника, в звериной норе. Найти его следовало как можно быстрее. Найти и уничтожить, а затем вернуться в часть, дабы их не сочли дезертирами или без вести пропавшими.

Бойцы утомились и Михайличенко, сам еще молодой и зеленый, устал не меньше своих людей. Наскоро прожевав хлеб и запив водой скудный обед, они пошли дальше. Растертые в кровь ноги зверски болели, но азарт охотника гнал группу вперед и вперед по горным кручам. В отряде сержанта Михайличенко оказался один следопыт, охотник-сибиряк, знавший толк в выслеживании дикого зверя и распутывании следов. Он уверенно вел небольшую группу смертельно уставших людей все дальше и дальше, вверх, по горным кручам, к самым небесам. Когда-нибудь, погоня должна была прекратиться.

Михайличенко спешил – в отряде царила нездоровая обстановка. Люди держались настороженно, они выглядели напуганными.

Петр досадливо поморщился – тупые, тупые крестьяне! Наслушались поповских басен. А виноваты во всем местные жители, эти дикари, облаченные в козьи шкуры и шапки, скрывающие лица.

Он хорошо помнил, как в последней деревушке, что попалась на их пути, старый дед в высокой мохнатой шапке, скрывавшей седину, крепко ухватив его за локоть, жарко зашептал, дыша в лицо крепким перегаром с отвратительным чесночным привкусом.

– Ох, друже, не ходили б вы в те горы. Не надо вам туда. Зло, зло спит в тумане. Не буди его, не зови свою смерть!

Михайличенко тогда отмахнулся от старика – его куда больше интересовала молодка, подавшая ему кринку с молоком. Зря, зря он не обратил внимание на того болтливого старикашку! Тот о чем-то долго шептался с самым юным бойцом его группы, Кузьмой Подкалитвенным.

Кузьма – тот еще фрукт! Родом из Тамбовщины и, скорей всего, из поповских детей, темный, суеверный! Вот и после того разговора лицом Кузьма посмурнел, все за винтовку хватался, да за крест нательный, что под рубахой прятал. Нашептывал остальным что-то, толковал о силах Тьмы, что издревне ооблюбовали эти, трижды проклятые, горы.

Не верил Михайличенко ни в чёрта, ни в Бога. Нет, верил когда-то. Ушло все потом, с годами закончилось. Уважал Петр лишь силу своего кулака, да в пулю, летящую в лоб врагу.

Вот это – сила, а все остальное поповские байки и опиум для народа.

Они увидели *это*, задолго до того, как настигли врага, увидели и замерли, пораженные в самое сердце. На скале, далеко вверху, там, где летают орлы, возвышалось серое здание, больше всего похожее на храм, хотя, какой храм может быть в этих, богами проклятых горах?

Прилепленный к горе, точно гнездо гигантской ласточки, храм нависал над узкой тропой, угрюмый и неприветливый, как и вся эта дикая страна.

Михайличенко остановился, задрал голову, любуясь высоким темным небом и непонятным строением под ним.

– Они там! – уверенно прогудел сибиряк, ступавший мягко, словно большой, хищный кот – Деваться им некуда!

Михайличенко рукавом гимнастерки утер пот со лба – добыча попалась! Они, как заправские загонщики, загнали ее в западню, бежать из которой было возможно только вниз, на черные камни, торчащие у подножия скалы, словно зубы голодного горного тролля. Некоторое время командир внимательно изучал строение, запрокинув голову вверх и тараща глаза. Архитектуру он знал плохо, историю – еще хуже, но стройные, высокие колонны, высеченные из благородного мрамора, распахнутые створки тяжелых, по всей видимости, литых врат, потемневшие от времени статуи неведомых существ у самого входа, наводили даже такого профана, как Михайличенко, на определенные мысли.

Во-первых, храм казался старым, не просто старым, а древним, потому что, хорошо приглядевшись, Петр, равно, как и его соратники, заметили следы безжалостного времени, оставившего отметины на, кажущихся гладкими стенах. Во – вторых, настораживали огромные фигуры неведомых существ, скорее чудовищ – горбатых, зубастых, с крыльями за спиной. Один из бойцов, испуганно, шепотом, произнес слово «горгульи», но командир злобно цыкнул – не хватало еще паники, в добавок к плохой погоде. И, в – третьих, какая раса гигантов смогла бы построить этот древний храм, без машин, кранов и прочих, очень полезных механизмов? Как, каким образом, вознеслись к небесам строгие колонны и литые врата? Непонятное – пугало и порождало сомнения и суеверия, а командир не хотел, чтобы его люди утратили веру. Фашисты не испугались остатков славы неведомых богов и рискнули укрыться в странном месте. Об этом говорили следы, оставленные на камнях, которые, следопыт-сибиряк читал легко, как открытую книгу.

– Кто со мной на разведку? – весело поинтересовался Петр, предоставляя бойцам возможность отличиться. Но бойцы, молча переминались с ноги на ногу, в смущении отводя глаза в сторону – серая масса камня, преображенная древними силами в храм или святилище, как кому больше нравится, пугала и подавляла их, заставляя испытывать неуверенность в собственных силах.

Командир оглядел своих людей, измотанных до предела.

«Тупые крестьяне – пренебрежительно подумал он, одергивая гимнастерку – Суеверные лапты! Задурили им голову попы, да деды с бабками! А еще комсомольцы! Топчутся на месте, словно стадо баранов!»

– Эх, пехота! – буркнул он, мечтая о чашке горячего супа и мягкой постели – Пошли Семен!

Семен, тот самый сибиряк, обладатель зоркого глаза и басовитого голоса, покорно встал с теплого камня и зашагал следом. Семену сам чёрт был не страшен – он в одиночку хаживал на медведя, а тут на его пути стояли всего лишь люди, пусть и озлобленные, пусть и опасные, как и всякий, попавший в ловушку, зверь.

Стемнело, а они все еще ползли по неприступной скале, пытаясь слиться с ней, соединиться, сделаться как можно незаметнее.

– Совсем чуть-чуть осталось! – командир попытался взбодрить Семена, но получалось у него плохо. Оскользнувшись на осыпи, Семен повредил ногу и теперь, еле ковылял, а уж о том, чтобы догнать более молодого и проворного Михайличенко и речи не было – Ты не спеши,

Семен! – командир пристально вглядывался в серые стены, вырастающие буквально у него на глазах – Ногу береги, нам с тобой еще Берлин штурмовать.

– Так точно! – сибиряку, стыдившемуся собственной оплошности, приходилось туго – нога зверски болела, а бросить боевого товарища, тем более, командира, не позволяла присяга – Я скоро, я сейчас...

Выросший в детском доме, Петр Михайличенко, охотней всего штурмовал бы какой-нибудь местный шинок или магазинчик, в поисках трофеев, достойных победителей фашизма, но, увы! Вместо этого приходилось гоняться по горам за шайкой недобитых фрицев, возомнивших себя народными мстителями.

Скала закончилась и Михайличенко, тяжело отдуваясь, вполз на ступени прямо перед храмом. Высокие стены почти сливались со скалой, на крыше храма галдели птицы, прилетевшие невесть откуда, а посередине, точно дыра в Преисподнюю, чернел проход. Ворота храма оказались гостеприимно распахнуты, но входить туда, в темную глубину, ужасно не хотелось. И, ни звука! Куда могли подеваться три здоровых, крепких немецких парня, вооруженные до зубов и доведенные до отчаянья, Петр никак не мог догадаться, но все следы вели в одно место. Наверняка, фашистские недобитки, решили затаиться и отсидеться, в надежде на то, что Михайличенко не заметит нелепого строения и пройдет дальше.

Тщетная надежда! Наивные уловки врага не могли обмануть опытного командира.

Тихо, стараясь не бряцать оружием, сержант осторожно приблизился к входу в святилище. Тишина! Только ветер, злой горный ветер, трепал концы бинтов, намотанных ему на руку.

Петр осторожно поднимался вверх по ступеням. Храмов он не боялся – сам помогал разрушить некоторые из них, а потом сдавал ценности, обнаруженные в тайниках, властям, кое-что, по мелочи, оставляя себе в качестве трофея.

Что поделать – любил Михайличенко звонкие, красивые монеты. Особенно – полновесные червонцы царской чеканки. Да-да, те самые, оставшиеся со времен павшего в революцию режима. Совсем не бескорыстен был Михайличенко. Мечтал он жить хорошо и богато, кушать вкусно и почивать на мягких перинах, потому и утаивал часть конфискованного золотишка и прочих ценностей, пользуясь тем, что ему, как командиру и надежному товарищу, доверяли.

Негоже возвращаться домой с войны с пустыми руками.

Да и где он, дом-то? Вырос Михайличенко в детдоме, воспитывался не папой и мамой в семье, а государством, но мечтал о лучшей доле и старательно копил деньги, дабы воплотить свои мечты в реальность.

Множество захоронок ждали своего часа и Петр Емельянович был уверен в том, что рано или поздно, но мечты его исполнятся, а уж он постарается не упустить своего шанса.

«Где же они? – холодно и отстраненно, точно машина далекого будущего, размышлял Петр – Почему вражины не стреляют, не пытаются сопротивляться?»

Он ступил еще на одну ступеньку и замер, чутко прислушиваясь – ничего! Как говорится – тишина стояла мертвая. Внезапно ему стало страшно – показалось, что холодная ледяная ладонь неведомого, прикоснулась к горячему лбу. Инстинктивно Петр отшатнулся назад. Внутренний голос взвыл: «Беги, спасайся! Уноси ноги, пока цел.»

«Суеверия и поповские байки! – разозлился Михайличенко – Меня, сержанта Красной армии, не испугают старые развалины!»

Когда надоело колебаться и вслушиваться в звенящую тишину, Петр шагнул дальше, осторожно, маленькими шагами продвигаясь в глубину темного прохода. Церковь, если это только была церковь, в чем Петр начал сомневаться почти сразу же после того, как переступил порог, оказалась крошечной, шагов тридцать в длину и столько же в ширину. Прямо на голой стене висело перевернутое распятие, а черные свечи, прилепленные к каменным стенам, чадили прогорклым и светились, словно крохотные светлячки темной ночью. В воздухе

вита́л запах сырости, падали и гнилья. В углах теснились каменные фигуры монстров, пыльные, затянутые паутиной. Повсюду виднелись следы бывшего пожара, запустения и разрухи. Михайличенко замер, отлично осознавая тот факт, что бездарно подставился, превратившись в отличную мишень. Сейчас кто-нибудь нажмет на курок, и выстрел оборвет его жизнь, глупо и бесполезно. Никто не стрелял и Петр, переведя взгляд со стен на пол, застыл, превратившись в соляной столб. Там он их и нашел. Трое фашистов, мертвые и безжизненные как камни на дороге, валялись на холодном, гранитном полу и кровь, вытекшая из страшных, рваных ран на их телах, уже застыла. Сизые внутренности убитых напоминали каких-то экзотических змей, стремящихся расползтись в разные стороны.

–Твою ж мать! – громко выругался Михайличенко, пытаясь бороться с позывами рвоты и подавить собственный страх. Вид мертвецов напугал его до полусмерти и лишь одним усилием воли, парень смог удержаться на ногах. На войне ему пришлось увидеть много страшного, но вид троих, безжалостно выпотрошенных парней, внушал ужас и омерзение. Отложив оружие в сторону, Петр принялся осматривать трупы, дергаясь, каждый раз, как только дотрагивался до чьей-то мертвой плоти. Трупы выглядели чудовищно, да и убиты были по-варварски, жестоко. Бедным фрицам кто-то разорвал горло, от уха до уха, вспорол животы, и кровавые ошметки изломанных неведомой силой тел разбросало в радиусе пяти метров. Зрелище оказалось так ужасно, что он позабыл главное правило- никогда не выпускать из рук оружие. Где-то там, позади, остался верный Семен, из последних сил ковыляющий к таинственному храму, но Михайличенко в этот момент даже и не вспомнил о преданном соратнике.

«Кто построил его, для каких целей? – эта мысль преследовала молодого командира, не давая покоя, в то самое время, когда он, не доверяя собственным глазам, переворачивал трупы и срывал солдатские медальоны с изуродованных ранами шей. – Почему они лежат здесь, словно сломанные куклы, бездыханные и холодные, точно захлебнувшись в собственной крови? Кто сотворил, кто сделал с ними такое? Человек? Дух? Тварь? Что за животное могло мгновенно уничтожить троих крепких, здоровенных мужиков, приученных убивать? Кто? Что??»

Он внезапно очнулся и обнаружил, что стоит на коленях и холодная, застывшая кровь мертвецов окружает его со всех сторон. Трупы лежали все так же тихо, неподвижно, но каким-то древним, звериным чутьем, Петр почувствовал, что он не один в мрачном, переполненном насилием, храме.

– Что за чертовщина? – губы сержанта дрогнули, приобретая землистый оттенок. Животный ужас заполнил сердце, руки задрожали, а глаза шарили по обшарпанным стенам, полные безумия. Нет, он, солдат и командир лучшей в мире армии, не был трусом – без страха шел он в атаку, поднимаясь и увлекая за собой остальных, безжалостно круша и убивая врага, всегда первый, всегда – пример, достойный подражания. Но только не сегодня. Ничьих шагов не слышал он, ничья тень не упала на залитый кровью гранит, но, все же, кто-то крался в ночи, кто-то дышал еле слышно, почти неосяземо, чей-то зловецкий дух витал над этим местом, полным смерти и скорби. Нервы несчастного не выдержали

– Кто здесь? – закричал он, опираясь ладонями о пол, ставя их прямо в кровавую грязь – Кто? – Ответа не последовало, лишь легкое дуновение, вроде летнего, тихого ветерка, коснулось его щеки – Кто здесь? – вновь воскликнул он, переполняясь ужасом и чувствуя, как не выдерживает мочевого пузыря, и жаркая, вонючая жидкость стекает вниз, по штанам, смешиваясь с уже остывшей кровью врага. Ответом ему была лишь издевательская тишина. Мрачные стены, древние, как и сами горы, давили и изнуряли.

Пригнувшись и продолжая упираться в кровавую грязь, Михайличенко повел головой, медленно и мучительно, словно страдая от болезни суставов. Неведомая сила, страх и ужас придавливали его к земле, ломали и плющили, но он сопротивлялся, корячился на холодном полу, пытаясь рассмотреть, углядеть своего мучителя. Темная тень колыхнулась над темным же

входом, заслонив еще видимые звезды, жадно вспыхнули багровые угли глаз... Петр вскрикнул, пытаясь криком отогнать это *Нечто*, надвигающееся на него из темноты. Он вжался в пол, холодный от крови и теплый от мочи и пополз назад, сдавая задом, вжимаясь в эту кровавую кашу, а *Оно*, темный, невесомый сгусток злобной энергии, продолжало надвигаться на него, медленно и неотвратно, как рок.

– Кто ты? – прохрипел он, пытаясь разглядеть что-нибудь в сгустившейся тьме – Что ты? – Пламя свечи, робкое и неясное, не могло осветить мучителя, показать его истинный облик – *Что*, ты?

Из темного сгустка вылетел тяжелый, круглый мяч, наподобие тех, которыми мальчишки так любят гонять теплыми летними вечерами, играя в футбол. Мяч, удивительно быстрый и тяжелый, врезался в грудь несчастного, словно осколок скалы. Механически Петр опустил глаза и подхватил его, пытаясь рассмотреть. Он дико закричал, тонким визгливым голосом, завыл, словно раненый зверь и отбросил прочь этот страшный дар неведомого злодея. Прямо к нему в руки, истекая кровью, упала голова Семена, здоровяка-сибиряка, охотника и следопыта. Выпученные от ужаса глаза бездумно таранились на закопченный потолок, а рот, раззявленный в беззвучном крике, навеки застыл в мертвом оцепенении. Темная тень внезапно материализовалась прямо перед ним и Михайличенко узрел Смерть в ее истинном, безжалостном обличье. У него опустились руки, и он упал, прямо в грязь, полную крови и испражнений и уже не чувствовал, как вздернутое сильной рукой, его тело, подброшенное вверх, вновь рухнуло на пол, бесформенной грудой, как затрещали кости, выворачиваемые из суставов, как лопнули глазные яблоки и растеклись по искаженному болю, лицу, как жадные, голодные зубы вонзились в незащитную шею, как кровь, горячим потоком хлынувшая из рассеченной артерии, выплескиваясь на пол, забирала с собой его силы и саму жизнь... Распахнутый в диком крике рот так и остался открытым, и кровь вытекала ручьем, заливая подбородок и гимнастерку.

Он не успел ничего – не отбиться от врага, не оказать сопротивления, достойного его командирского звания. Все, что успел Петр, столь быстро превратившийся в мертвеца, так это один раз взмахнуть ножом, полоснув по бледной, удивительно тощей шее злобного создания и почувствовать, как теплые капли черной крови, упали в его раскрытый рот.

... Автоматные очереди раздались внезапно, обрушившись свинцовым ливнем на то создание, что уничтожало, распростертого в грязи человека, отбросило и почти разорвало тварь пополам. С диким, звериным визгом, неведомое существо, роняя капли темной крови на поверженную жертву, шмякнулось о каменные стены и растаяло на глазах, изумленных таким поворотом дела, солдат.

– Что это было такое? – разбитной шахтерский парень, девятнадцатилетний Колька с Донбасса, круглыми от ужаса глазами рассматривал мертвые тела, заполнившие собой крохотное внутреннее пространство уединенного храма. Его руки, судорожно сжимавшие автомат, побелели от напряжения – Господи...

Именно он, глазастый Колька, салабон и нытик, заметил неладное – ему показалось, что каменные фигуры у входа в храм шевелятся и передвигаются. Кольку, было, подняли на смех, но затем, обнаружив, что чудовищные статуи и впрямь шевелятся, бойцы поспешили вверх, на помощь своим. К их счастью, все тот же Колька, случайно, отойдя отлить, наткнулся на крутые ступени, почти стертые временем, но все еще пригодные для подъема. Из нескольких зловещих горгулий, одна отсутствовала и, ворвавшись в храм, бойцы обнаружили ее, терзающей плоть их командира. Затем последовала беспощадная стрельба, заглушившая панический страх.

А Кузьма так и не решился подняться вверх, прикрывая друзей с тыла и все шептал и шептал молитвы пересохшими от страха губами, то и дело осеняя себя крестными знаменами.

Командира убила неведомая тварь, но посовещавшись, бойцы поклялись хранить это событие в тайне. Никто не поверил бы им, расскажи они о неведомом создании, убившем пятерых и растворившемся в воздухе, прямо на глазах изумленных солдат. Расскажи они подобное

и штрафбат принял бы пополнение с распростертыми объятиями. Что поделаться – шла война, жестокая и кровавая, а пушечное мясо на всех войнах ценилось дешево.

Бойцы разломали скудное убранство заброшенного храма и сожгли все, что оказалось способным гореть. Тяжелый, сладкий запах мертвечины вскоре сменился гарью и копотью. Дым, черной, жирной струей, поднимался в ночные небеса. Оставшиеся статуи, поколебавшись, красноармейцы сбросили вниз, прямо на хищные зубы скал и они, обрушившись со страшным грохотом, раскололись на несколько кусков. Каменные фигуры монстров в самом святилище, они не тронули, побрезговав прикасаться к пыльным, опутанным паутиной, истуканам. Наскоро похоронив погибших и забрав документы, бойцы покинули зловещее место, отступая, оцетинившись оружием. И лишь когда сама вершина храма, воздвигнутого в честь неведомых богов, скрылась с глаз, пальцы на курке автомата слегка расслабились, а напряжение спало. Проклятые горы оставались позади, и никто из оставшихся в живых, не рискнул спать этой ночью.

**

Асфальтированная дорога, с виду казавшаяся гладкой и ровной, на самом деле пестрела щербинами и вмятинами, и идти по ней не доставляло никакого удовольствия. Каролина слегка дулась на Сашу – надо же, подруга втянула ее в такую гадкую историю! стыдно сказать, но Каролина боялась. Это жуткое, огромное здание, обветшалое и заброшенное многие годы, пугало ее до икоты. Как и все дети, Каролина, в детстве, верила, что монстры существуют, поэтому спать она всегда ложилась с зажженной лампой. Наученная богомольной теткой, двоюродной материнной сестрой, тетешкавшейся с маленькой Каролинкой пока родители работали, читала на ночь «Отче наш» и спотыкаясь на левую ногу, всегда сдувала с раскрытой ладони неудачу. Черных котов, даже очень породистых, Каролина ненавидела. Девушка, повзрослев, частично избавилась от страха и суеверий, но понять маму, зачитывающую романы в стиле «хоррор», не могла.

«Как можно читать «ужастики» и не бояться? – спрашивала она у нее, но мама только смеялась и говорила, что сон ее – крепок и никакие «байки из склепа» не могут его нарушить. Будил маму только папин храп, а все остальное она переносила спокойно.

«Надеюсь, что теперь, когда мама ждет малыша – раздраженно подумалось Каролине – папа запретит ей читать и смотреть всякие страшности! Нечего малого пугать – он еще даже родиться не успел.»

Вот и теперь, на щербатой дороге, в пустынном месте, среди безжизненных стен заброшенного здания, Каролина внезапно почувствовала себя персонажем одного из фильма ужасов, так любимых ее мамой. Сколько раз, смотря очередной ужастик, Каролина надменно надсмехалась над глупыми, с ее точки зрения, героями.

«Надо же быть такой тупой и бежать по лестнице вверх! – возмущалась она, наблюдая за тем, как убивают второстепенную героиню – Выбежала бы на улицу и спряталась в кустах, ищи ее там до китайской пасхи! Кто только придумывает подобные глупости? И вообще – чего она поперлась в этот дом, ведь одного человека в нем уже убили, самым жестоким образом! Совсем безмозглых и отморозженных показывают. В жизни все не так.»

Мама пожимала плечами, продолжала смотреть, а Каролина критиковать.

– Дичь, а не кино! – это уже о фильме про вампиров – И кто, в здравом уме, отправится на древний могильник? Мало ли что? Вампиры? Вампиры – мелочь, а вот попасть ногой в яму или свернуть себе шею, провалившись в могилу – это запросто! Как можно смотреть подобную дрянь? Фильмы, рассчитанные на глупцов и дебилов, а не на нормального зрителя! Вот я, ни за что на свете не потащилась бы в запретное, жуткое место! Всегда должен побеждать здравый смысл и здоровое чувство самосохранения!

«И, где же было сегодня мое чувство самосохранения и здравый смысл? – вопрошала себя Каролина, освещая дорогу тусклым светом дешевого китайского фонарика – Ради чего, я,

умница и красавица у которой вся жизнь впереди, рискуя собой в этом жутком местечке? Чем я лучше тех тупых блондинок из кинофильмов? Конечно, в вампиров я не верю, это уж увольте, но вот сексуально озабоченного бомжа или какого-нибудь маньяка встретить в подобном месте – это, всегда, пожалуйста».

Внезапно ей очень сильно захотелось оказаться рядом с Кириллом, в теплом доме его родителей, погреться у самого настоящего камина, посмотреть какое-нибудь кино, удобно положив голову ему на плечо. А еще, неплохо, было бы выпить кофе, самого вкусного, крепкого, пахучего, сваренного в турке, в раскаленном песочке и съесть пару пирожных, по части приготовления которых, мать Кирилла слыла большой мастерицей.

Каролина удивилась подобным мыслям, ведь она пообещала самой себе, что Кирилла забудет, раз и навсегда. Странное дело – девушка мечтала не о бурной вечеринке в модном ночном клубе, не о новом приятеле – раскованном, современном и хорошо зарабатывающем, а, о чаепитии с прежним бой – френдом. Эта мысль так ее удивила, что Каролина даже споткнулась и вынужденно ухватилась за руку Саши, едва не напугав подругу до полусмерти. На Андрея девушка злилась – надо же, говорил, что любит, стихи писал, цветы дарил, а сам... Она же, как последняя лохушка, попала на дешевую подначку и из дружбы с Сашей вязалась в сомнительную авантюру.

«Будет смешно, если эти два придурка, решив подшутить над нами, выпрыгнут из темного угла, хохоча, как припадочные – Каролина покосилась на подругу, осторожно ступавшую по разбитому асфальту – «Удар ножом – 5!» Сашку, точно, миокарда трахнет! Ха, да она еще и на каблуках! Даааа, вечер, явно, удался.»

Подруга крепко сжала Каролине руку.

– Каро, не спеши, а то я упаду с этих каблуков! Надо же, собирались в кафе, а попали... – и словно прочитав мысли Каролины, произнесла – Если только, эти два придурка, жутко завывая, выскочат из-за поворота, я их прибью! Я, конечно, уважаю экстрим, но, не до такой же, степени! Ролевики фиговы... Камуфляж, фотки... И как только мы повелись на всю эту мишуру, а?

Проход от ворот до входа в приемный покой, в обычное время, при дневном свете, занял бы, от силы, минуты три, но девушкам казалось, что они бредут в темноте целую вечность, шарахаясь в сторону при каждом подозрительном звуке. Теперь Каролина гораздо лучше понимала героинь маминных любимых фильмов – сворачивать с дорожки и прятаться в кустах, ей вовсе, не хотелось, мало ли кто притаился за темной березой? А берез, равно как и рябин, каштанов и черемух, оказалось поблизости – тьма-тьмушая. Деревья возвышались хмурыми великанами, шелестели листьями, шумели ветвями, словно переговариваясь между собой. И, конечно же, ни одного фонаря в поле зрения. Одна лишь луна, глазастое ночное чудо, освещало дорогу, да маленький китайский фонарик- спаситель, без которого, Каролина была в этом убеждена, они с Сашей давно переломали себе руки и ноги.

Саша, словно устыдившись того, что, распустив нюни, предоставила Каролине шагать первой, за обещанным, лично ей сюрпризом, оживилась, зацокала каблуками бодрей, оживая прямо на глазах. Здание, серое, заброшенное и неприветливое, приближалось к оробевшей парочке искательниц приключений, с каждым сделанным ими шагом. И это, вовсе не радовало. Луна, мелькавшая в прорехах темных туч, не выглядела дружелюбно, светила, словно одинокий глаз циклопа – ярко, враждебно и ожидающе...

– Готично тут... – бормотала себе под нос Каролина – колонн с химерами не хватает и музыки... Знаешь – заунывной, пронзительной и тревожной...

– И без музыки тошно – свистящим шепотом пожаловалась подруге Александра – дрожь пробирает до самых костей... Знала бы – памперс нацепила, на всякий случай... Бывают такие штуки, не только для младенцев, но и для взрослых.

Каролина споткнулась и взглянула на подругу – та пыталась улыбаться, растягивая губы в резиновой, ненатуральной улыбке.

– Шутить изволите? – хмуро сдвинула брови девушка – Нет, Саш – туда мы точно не пойдём! – Каролина кивнула в сторону чернеющего провала, ближайшего к ним. Вероятно, раньше, это был один из входов-выходов в огромное здание, скорее всего, вход в приемный покой. К нему вела длинная, бетонная эстакада, вся потрескавшаяся, разбитая и поросшая травой. И если само здание напоминало Каролине какого-то доисторического монстра, этакого Годзиллу, прилегшего отдохнуть перед смертельным прыжком, то эстакада походила на длинный язык, вывалившийся из пасти, а многочисленные окна, сверкающие местами закопченными остатками стекол, на несчетные глаза чудовища, следившие за глупыми мошками, все больше и больше запутывавшимися в паутине.

– Это же вход? – недоумевала Александра – Сергей же ясно сказал...

– Пойдем через центральный. – тоном, не терпящим возражений, заявила Каролина – Этот мне не нравится. Предчувствие у меня нехорошее, понимаешь? Тем более, смотри – девушка протянула руку вперед, тыкая пальцем прямо в тот самый вход – Закрыт он. Забили досками, от греха подальше. От таких, как мы, дурёх любопытствующих.

– Опять брести неизвестно куда – уныло вздохнула Сашка – До центрального еще добраться нужно, а я на каблуках. Кто ж знал, что они, идиоты этикие, приготовят нам развлечение... нестандартное! Гады! Знаешь, подруга, давай, все же, попробуем пройти здесь. Не хочется мне еще куда-то там тащиться. Может быть, можно пролезть как-нибудь? Мы же с тобой не толстухи, а, вполне себе субтильные девицы – в нужных местах фигуристые, но без излишеств. Прорвемся, не впервой!

Девушка остановилась, сняла туфлю и вытрясла из нее какой-то мелкий мусор мешавшийся при ходьбе.

– Слышь, Каро! – свистящим шепотом спросила она – Может, Серега не прикалывался и там, в одном из коридоров, действительно, ждет меня какой-нибудь сногшибательный сюрприз? – в тихом голосе Сашки звучали мечтательные нотки. Кажется, она действительно надеялась на то, что красавчик Торбинский питает к ней нежные чувства.

– Если это плюшевый заяц, я твоего Серегу кастрирую, причем, без анестезии! – пошутила Каролина – Пришли! Ой, как же мы войдем, смотри, вход закрыт!

Асфальтовая дорога привела подружек к разбитой эстакаде, но подниматься по ней, рискуя шеей и каблуками, казалось бессмысленной тратой времени и усилий – вход в здание был наглухо запечатан двумя широкими, толстыми досками, крест-накрест, напоминая всем известную надпись времен Великой Отечественной войны: «Райком закрыт. Все ушли на фронт».

– Все ушли на фронт! – пробормотала Каролина и посветила фонариком – Нет, здесь нам не пройти! Шутник твой Сергей, говорил, что двери открыты! Может он думает, что мы, черепашки-ниндзя и вспрыгнем прямо на крышу? Что молчишь, Сандра? – в голосе Каролины послышалась злость – Думай, голова, картуз куплю!

– Тогда, давай поступим как ты и предлагала – двинемся к центральному входу – глубоко вздохнув, признала правоту подруги Саша, с неудовольствием любясь окнами, ощерившимися выбитыми стеклами, длинные и грязные осколки которых все еще торчали в рамках словно зубы чудовищных зверей, поджидая добычу – Это ж, кажется, приемная, санпропускник как в обычной «больничке». Как же не хочется ползти куда-то еще по темноте – вздохнула Александра, утирая испарину со лба – Когда я выйду замуж за Торбинского, то ему придется не раз пожалеть о том, что он заставил меня пережить несколько неприятных мгновений в этих руинах. – глаза девушки зло сверкнули, показывая, что она вовсе не шутит – Уж это я ему обещаю!

– Не ползу и не проси! – предупредила Каролина подругу – Я не хочу истечь кровью, тем более, что от больницы – она пренебрежительно кивнула на серые стены – остались голые стены и просевшая крыша. Пока отсюда до Каменска довезут, пять раз можно дуба дать, прислонясь

к березе. Эх! – с сожалением пробормотала девушка – Были же времена – говорят, здесь даже вертолетная площадка имеется. Где-то там – она махнула рукой куда-то в неопределенную даль, темнеющую впереди и вызвала неудовольствие подруги. Та, менее всего была настроена думать про вертолеты и самолеты. Александру куда больше интересовали более приземленные вещи.

– Пойдем, поищем нормальный вход – Саша с опаской огляделась по сторонам – Что-то мне как-то неуютно! Задницей чувю, ждут нас неприятности! С нашим-то счастьем! Знала бы заранее, что попадем на полосу препятствий – кроссовки обула бы, а то туфли новые совсем – велюровые! Последний писк моды! Угроблю я их, по таким-то дорогам. Колдобина на колдобине, щели и выпуклости! Жалко туфли – шмыгала носом Александра и ноги ставила аккуратно, словно туфли были не велюровые, а хрустальные, как у Золушки.

– Да? – ехидно удивилась Каролина – А я-то, глупая, думала, что у нас простая прогулка по парку развлечений!

– Развлечений здесь хватает! – буркнула уязвленная насмешкой подруга и первая пошла вперед, спотыкаясь на своих каблуках – битый кирпич и прочий хлам, казалось, сам бросается им под ноги. Каролина исправно светила ей фонариком. Чудо китайской промышленности, работало, как часы и даже не мигало, пока что.

– Жутко здесь как-то – пожаловалась Сашка, сгорбившись и от этого, с виду, став меньше ростом – страшно и убого. Местечко – еще то! Как ребята ухитряются в такой-то срани еще в какие-то «ролевки» встравать, ума не приложу! Да ни за какие коврижки!

– «Поворот не туда!» – мрачно рявкнула Каролина, вспоминая тот самый, подходящий к данной ситуации фильм – Там тоже больничка фигурировала. Зброшенная. В ней когда-то врачи над мутантами издевались, изучали их при помощи электротока, а потом, те самые мутанты на волю вырвались и всех врачей пожрали.

– Смешно! – Сашка принципиально не смотрела всякие там триллеры и ужасы, предпочитая мелодрамы и сентиментальные комедии – Совсем сожрали? Без шансов на воскрешение?

– Угу! – продолжала озираться по сторонам и недовольно ворчать Каролина, понимая, что местечко для обсуждения фильма про мутантов-каннибалов она выбрала на редкость неудачно – Совсем. И всех тех, кто случайно забредал в ту самую больницу, тоже.

– Я от соседки, бабы Таи, слышала, что пожар в больнице точно был. Давно – Сашка опасливо посматривала вокруг, силясь разглядеть затаившуюся в темных кустах опасность – Сгорело тут все. Восстанавливать никто не стал. Збросили нафиг! Нет бы людям под квартиры отдать, желающих бы, я думаю, немало бы нашлось!

– Здание акционерному обществу принадлежит, а не городу – нервно пояснила Каролина – Я знаю, мне отец рассказывал. Стоит дорого, а бюджет у области не резиновый. Так и сгниет, бесполезно для общества.

– Как всегда – все упирается в бабло! – ухмыльнулась Сашка, хватая подругу за руку ледяными пальцами – И в продажных чинуш! Смотри, Каро – мы пришли, пожалуй!

До центрального входа девчонки добежали быстро, и даже Саша ни разу не споткнулась в своей неудобной обуви, но мусор под ногами попался с удручающим постоянством. Главный вход располагался, метрах в пятидесяти от запасного и выглядел, так же уныло, как и все остальное вокруг. Ступени – выщерблены и завалены всяческим строительным мусором, широкие, некогда, застекленные окна – разбиты и заляпаны грязью, а дверей, так, и вовсе не было. Вероятно, какие-нибудь, предприимчивые бомжи сняли их и пустили на растопку. Из здания тянуло холодком и сыростью. Тонкий лучик фонарика, трепеща в слегка дрожащей руке Каролины, исправно освещал печальную картину разрухи и запустения.

«Заходите ко мне в гости, мухе говорил паук!» – неожиданно вспомнилось детское стихотворение. Каролине всегда было жалко глупую муху, а паука она представляла тупым, прожорливым злодеем и ненавидела всей душой. Ей и теперь казалось, что все это здание – одна

гигантская паутина-ловушка, а они с Сашей – две глупые, безмозглые, мушки, летящие прямо в эту паутину. Где-то, в глубине, в самом сердце ловушки, притаился голодный паук. Притаился и ждет, когда же добыча сама полезет к нему в пасть.

– Серега сказал, что бомжи не любят это место! – неуверенно проговорила Саша – Мы здесь одни, так что, давай, быстренько прошвырнемся по коридорам, отыщем этот гребанный сюрприз и вернемся к ребятам. Бог с ним, с мартини, пивка бы холодненького, а то в горле пересохло! У парней есть, Серега при мне покупал, еще с продавщицей заигрывал, гад!

Девушка быстро поднялась по ступенькам, не доверяя себе любимой. Если бы сейчас раздавался какой-либо звук – скрип, скрежет, уханье филина, то она, не раздумывая, бросилась прочь, только пятки бы засверкали. Так что, дабы не праздновать труса, Александра рванула во влажные глубины здания одним рывком, точно в холодную воду нырнув. Быстро пробежавшись по просторному холлу, она слегка притормозила на повороте, ведущем в длинный и страшный коридор, в который не проникал даже вездесущий лунный свет. Остановилась, поджидая замешкавшуюся подругу.

Проводив взглядом Александру, поспешно вбежавшую в здание, Каролина машинально сунула руку в карман и обмерла – телефона в нем не оказалось. Девушка замерла на ступенях, беспомощно оглядываясь, словно надеясь, что телефон валяется где-то рядом, под ногами.

– Чего ты там застряла? – сварливо поинтересовалась Саша – Пошли уже!

Саша успела пройти половину длинного коридора и ни разу не споткнулась – теперь она уже не видела Каролину, а лишь слышала ее голос, глухо, как из трубы.

– Телефон! – растерянно пролепетала Каролина и громко крикнула – Я телефон потеряла! Вот же, блин, невезуха! Мать мне голову оторвет, совсем ведь новый «мобильник» был!

Саша, не видимая в темноте, зато, хорошо слышимая, поспешила успокоить расстроенную подругу.

– Почему сразу – потеряла? Может, просто выронила, в машине у Андрея? Вернемся, а он там! Вспомни, ты его доставала из сумочки? Рюкзак твой где?

Каролина, хоть убей ее, ничего не помнила, особенно про телефон.

– Не знаю. – промямлила она – Может и доставала, время посмотреть. Рюкзачок, точно в машине оставила. А твой телефон где? Давай позвоним ребятам, пусть подъедут и заберут нас отсюда! Что-то мне не хочется идти дальше. Они на машине быстро обернутся. Раз – и мы уже в безопасности!

– Позвоним? – Каролина почувствовала, как недовольно нахмурилась Саша – Ни за что! Даже, если б я и могла позвонить, то не стала бы. Справимся. Прорвемся.

– Что это значит – «если бы и могла»? – голос Каролины слегка дрогнул – У тебя тоже нет телефона? Скажешь, случайно в машине выронила?

– Оставила вместе с сумочкой – спокойно ответила подруга – Серега сказал, что так будет честно! И вообще – проспорила, так проспорила, нужно идти и искать мой сюрприз. Может быть, кольцо обручальное меня, ждет – не дождетя, а мы с тобой, здесь попусту лясы точим! Представляешь – я и Серега, муж и жена, я – в белом платье, он – в черном костюме. Красота! Картинка так и просится на страницы глянцевого журнала.

Каролина обозлилась – мало ли, что сказал ее драгоценный Сережа, свои же мозги, хотя бы иногда, тоже включать нужно. Пропорила она, видите ли! Спорила Сашка, страдать – Каролине! Вот как они теперь без телефона? Случись что плохое и помощи не дождешься!

– А запросто! – бодрилась подруга – Пришел, нашел, сюрприз обещанный и уволок к себе в норку. Айда, за сюрпризом! Не бойсь, Каро, прорвемся! Я директора регионального не испугалась, аудиторов и налоговую, что мне какие-то развалины? Бомжей вонючих нет и ладненько! А то, вшей от них нахватаемся, выводить собачьим шампунем придется! Иди сюда, чего на входе топчешься! Нет здесь никого и не было, лет сто уже!

Каролина посветила фонариком вдоль длинного коридора – действительно, никого, ни души, только хлам и запустение, да они с Сашей топчутся. Сашка успела убежать довольно далеко, а она трусливо мнетя у самого входа.

– Может, вернемся? – последний раз попыталась она воззвать к здравому смыслу, но тот, по ходу, у Александры, отсутствовал, во всяком случае, на сегодняшнюю ночь. Саша, как говорится, закусила удила.

– Еще чего! – девушка нагнулась и почесала ногу, комары, все – таки, здесь водились и не менее агрессивные, чем в более обжитых местах – Пойдем дальше. Нужно найти этот сюрприз и ткнуть его под нос Серёге! Будет знать, как прикалываться надо мной! И хватит ныть! Ты боишься, что ли? Стыдись, подруга – две боевых девушки, мечта любого мужика и вдруг сдрейфили? Да над нами вся Ясиневка смеяться станет!

Каролине идти в темноту и искать сомнительный тайник, категорически не хотелось, тем более, что неожиданно выяснилось то обстоятельство, что ни у нее, ни у Саши, нет телефона. Жизнь без мобильной связи, Каролина себе не могла представить. Вдруг, кто-нибудь из них пострадает и срочно понадобится помощь, что тогда делать? А как, из-за кустов выпрыгнет маньяк, бомж или просто голодный бродячий пес? Вдруг этот пес, бешеный? Каким образом тогда спастись и кого звать на помощь? У Каролины возникла мысль о том, что все происходящее не случайно, что кто-то неизвестный преследует определенную цель и девушки, оставшись одни в незнакомом месте, невольно подыгрывают этому кому-то...

– Ты идешь или нет? – прихлопнув очередного кровопийцу, Саша нетерпеливо пританцовывала на одном месте – Давай мне фонарик, я пойду вперед! Мне до смерти интересно, что такого замечательного приготовил мой загадочный Тарзан? Стоит его прибить сразу или пусть поживет еще немного?

Каролина сделала вид, что не расслышала последних слов подруги – расставаться с фонариком и оставаться в темноте ей не хотелось.

– Тарзан, Тарзан! – бурчала Каролина себе под нос – Намылить бы шею, этому Тарзану! Садист несчастный! И тебе, Джейн недоделанная, за компанию! – и громко крикнула в неизвестность, обращаясь к Александре – Фонарик останется у меня, ты и так в темноте видишь, как кошка! Вперед, Джейн, на баррикады! Надеюсь, что твой Тарзан оценит этот подвиг во имя любви!

За следующим поворотом девчонок подстерегал очередной сюрприз, но вовсе не тот, на который так надеялась авантюристка Александра. Каролина, посветив фонариком, едва успела ухватить торопыгу Сашку за руку – впереди чернела хищная яма провала.

– Что это такое? – удивилась Колесникова, вытягивая шею и с любопытством тараща глаза в темноту – Дырка в полу? Зачем?

Каролина не тороплась отвечать на заданный вопрос – она лишь скользнула встревоженным взглядом по облупившейся краске на стенах, по дверному проему, некогда скрытому железными дверями и, только после этого краткого осмотра, ответила Александре, оттаскивая подругу, балансирующую на самом краю черной дыры.

– Шахта лифта, вот что это такое. – хмыкнула она невесело – Сам лифт и двери металлические – спёрли, а дыра в полу осталась. Существует теперь, сама по себе. Мы едва не вляпались – рухнули бы вниз, а там глубина приличная. После такого падения только б и осталось, что отскрести от пола наши бранные останки.

– Не может быть. – не поверила Александра, продолжая проявлять любопытство – Здесь не больше трех метров. Спорим? – девушка азартно сверкнула глазами – Сама смотри! – и она извлекла из кармана обычное зеркальце в пластиковой рамке. Что поделать – Сашка всегда таскала с собой и зеркальце, и расческу. – Вот, бросаю!

И зеркальце рухнуло вниз, мгновенно поглощенное клубящейся тьмой.

Как ни прислушивались девчонки, но звука удара зеркальца о пол так и не услышали.

– На что-то мягкое, наверное, попало. – неуверенно предположила Сашка – Хватит на ямки любоваться, пошли уже! Лифт нам пока что, без надобности!

– Разбитое зеркало – к несчастью. – флегматично произнесла Каролина – Зря ты его выбросила.

– Глупые суеверия! – засмеялась Александра – Брось, Каро, ты же это несерьёзно сейчас!

– Ничего не суеверия! – разозлилась Каролина – Ты, прежде чем сделать что-то, думай хоть изредка головой, а не другим местом! Тоже мне – борец с мракобесием!

Саша уже не слушала подругу – ее, как говорится, понесло. В разбитые, широченные окна, заглядывала любопытная луна, сующая свой нос в чужие дела. Сашины каблучки стучали где-то в отдалении – темнота ее, явно перестала смущать, а, вот Каролина сплеховала – ее спортивный туфель, соскочил с ноги и улетел куда-то в сторону. Оставшаяся без обуви, нога сразу же замерзла, да и противно было опускать ее в пыль и грязь. Мало ли что могло валяться на захламленном полу – и битое стекло, и использованные шприцы, и ржавые гвозди. Кто знает – может, здесь, когда, «наркоши» тусовались и специально поразбросали по округе использованные иглы, а, там и гепатит, и СПИД, и прочая гадость. Говорят, встречаются среди «нариков» особо мерзкие типы и подкидывают свои зараженные шприцы на детские площадки и песочницы. Мол, коли нам сдыхать все равно, так нехай и другие страдают! Каролина страдать с ними за компанию не желала. Поэтому, подсвечивая фонариком, девушка, некоторое время скакала на одной ноге, балансируя и сохраняя равновесие. Туфель вскоре отыскался – он лежал в куче хлама, на самом верху и Каролина представить себе не могла, каким Макаром тот там очутился. Благополучно обувшись, она спохватилась – стук каблучков давно смолк, но и радостного возгласа, свидетельствующего о том, что Саша, все-таки, отыскала свой сюрприз, не последовало. Вероятно, подруга, все еще рыскала по мрачным, похожим на подземные туннели, коридорам, в поисках вожделенного подарка. Делать нечего и Каролина отправилась на поиски. В, конце – концов, все было, не так уж и плохо – половину коридоров Саша, несомненно, обыскала, а остальное они обойдут вместе, с фонариком оно, как-то, веселее будет.

Дойдя до поворота, Каролина неожиданно уперлась носом в закрытую дверь. Обыкновенная, фанерная дверь оказалась нерушимой преградой для хрупкой девушки, поскольку заколотили ее на совесть, такими же, огромными и широкими досками, как и на предыдущем входе

– Не может быть! – Каро беспомощно оглянулась, разгоняя мрак фонариком – Умничка ты моя! – похвалила она китайскую вещичку – Будешь вести себя хорошо, куплю тебе новые батарейки!

Звук собственного голоса страх не прогнал, а наоборот, показался неуместным. Саша так и не появилась и Каролина, потоптавшись на месте, попятилась назад, решив, что в темноте, второпях, пропустила что-то важное – поворот или распахнутые двери. Пятясь, она двигалась не спеша, постоянно озираясь и, едва не умирая от страха. Сердце ее стучало, словно набатный колокол, а липкий пот, стекая по спине, неприятно ее охлаждал.

«И чего это, мне дома не сиделось – Каролина плотно стиснула, норовящие застучать, зубы – Зашла бы в интернет, с Кириллом пообщалась, узнала бы, что нового у наших.»

Уже второй раз за сегодняшний вечер, девушка вспоминала о бывшем парне. Икалось тому, наверное, будь здоров! Каролина, с удовольствием, поикала бы с ним за компанию – бояться в одиночку, девушке было ужасно страшно.

– Наконец-то! – обрадовалась она, обнаружив неприметную, грязную дверь в стене, некогда выкрашенную в темно-зеленый цвет. Теперь же дверь, облезлая и обшарпанная, больше напоминала узкую щель – Надо же – удивилась Каролина смелости или, что вернее, безрассудности подруги – Я бы туда ни за какие плюшки, без света не сунулась!

От Саши по-прежнему, не было ни слуху, ни духу. Если бы в руках у Каролины оказался мобильный телефон, то девушка, ни мгновения не колеблясь, позвонила б ей на трубку. Но

телефона не было, да и фонарик стал светить как-то тускло, словно что-то вмешалось в безукоризненную работу продукта китайского производства. Осторожно, стараясь не выпачкаться и не насобирать плечами пыльной паутины, Каролина протиснулась в узкий проход и остолбенела. Двери вели в подвальное помещение – ступени уходили вниз и в пыли, Каролина заметила четкие следы ног, маленькие и узкие. Как раз такие следы и должны были оставить ноги подруги, обутые в модные туфли из велюра.

– Не пойду! – сама себе пообещала Каролина – Ни за что! Пусть самостоятельно ищет свой сюрприз! Совсем с ума сошла! И она, и этот ее Тарзан доморощенный! Тут никаких нервов не хватит! У меня уже, наверное, седые пряди по всей голове!

Девушка присела на кирпичик, не опасаясь испачкать нарядные джинсы.

«Бог с ними – равнодушно подумала она – отстираются» – однако, ей не сиделось. Ждать подругу в тишине и относительной безопасности, казалось невыносимым. Мысль о том, что безголовая Саша бродит одна, где-то там, в низу, в подвале, без света и дружеской поддержки, грызла ее нечистую совесть. Не утерпев, Каролина вскочила, ударилась носком правой ноги о кирпич и замерла, поджав ее – из подвала, по – прежнему, не доносилось ни звука.

– Черт! Черт... – девушка прыгала на одной ноге, точно цапля, охотящаяся на лягушек и вопила от боли – Блиииииинн! – Нога продолжала болеть, и палец, скорей всего опухший, явственно упирался в носок спортивного тапка, причиняя массу неудобств, но Каролина мужественно терпела боль, надеясь, что та вскоре исчезнет. – Где ее носит? – раздражаясь все больше и больше, думала она – Давно пора вернуться! За это время можно добежать до Китая и вернуться обратно!

Мелькнула и пропала сумасшедшая мысль, что Саша, каким-то немислимым образом, возвратилась и незаметно проскочила к выходу, бросив товарку в гордом одиночестве. Конечно же, подобное казалось невозможным, но все-таки...

– Блин, блин, блин!!! – энергично почесывая, покусанные комарами руки и плечи, Каролина прыгала на месте, вверх-вниз и тонкий лучик фонарика плясал вместе с ней. Палец на ноге продолжал болеть, но тупая, ноющая боль, не могла заставить девушку стоять на одном месте. На призывный огонек никто так и не прилетел, ни звука не раздалось из подвальных глубин.

– Там, скорее всего, никого нет – сама себя утешала девушка – Валяется всякий тряпичный хлам, разбитые шкафы и кровати, железяки ржавые, не годные даже на металлолом. А вдруг, там морг и забытые мертвецы? Лежат и спокойно себе разлагаются? – ужаснулась Каролина и сразу же почувствовала, как ее и без того дрожащий организм пробил холодный озноб – Нет- нет! – поспешила она успокоить сама себя – Какой такой морг? Все морги расположены отдельно от больниц. Не в главном же здании, а где-нибудь на отшибе!

Наконец-то, решившись и уговорив себя любимую, Каролина медленно зашагала вниз, слегка припадая на ушибленную ногу, ступенька за ступенькой, опускаясь все глубже и глубже.

– Я не глупая, не тупая малолетка – повторяла девушка, пытаясь утешить саму себя – Я умная и самодостаточная девица и обязательно отыщу Сашку, и надаю ей по ушам! Вот еще придумала себе забаву – шляться по сомнительным местам, собирая пыль и паутину!

Лестница сделала вначале один поворот, затем – второй, и третий, а Каролина все шла и шла, стараясь не обращать внимания на предательскую дрожь в коленях. Шла она медленно, всячески противясь собственным шагам и от того ей казалось, что путь ее тянется невыносимо долгое время. Вскоре настороженная и взвинченная ожиданием неприятностей девушка, заметила странную особенность – чем глубже она спускалась вниз, тем светлее становилось вокруг. Конечно, это был не совсем свет, а, какая-то странная серость, расплывшаяся в воздухе и осветившая его. Присмотревшись внимательно, Каролина обнаружила, что светятся стены, сплошь покрытые чем-то мягким и пушистым, похожим на ворсинки. Только вот, притрагиваться к ворсинкам, ей не хотелось даже самыми кончиками пальцев.

– Дичь! – оробевшая исследовательница пыльных подвалов потушила фонарик, экономя батарейки. Кто его знает, сколько времени ей придется болтаться в подземном лабиринте, разыскивая ненормальную подругу? – Это экстремальный подвал! Катакомбы какие-то, не иначе!

Освоившись и слегка осмелев, Каролина немного расслабилась, посматривая по сторонам не просто испуганно, но с пугливым любопытством, совершенно позабыв о больном пальце. Правду сказать, смотреть, особо, было не на что – заинтересоваться разбитой кушеткой, все еще покрытой пыльной и драной клеенкой, да, ржавой больничной уткой, почему-то валявшейся посреди узкого прохода, мог только полный идиот, но Каролина, тщательно высвечивая фонариком всякие подозрительные предметы, даже самые мелкие, продолжала двигаться вперед, осторожно и медленно. Маленькие, узкие следы, по – прежнему, хорошо виднелись на пыльном полу, и девушка следовала за ними, точно по компасу – вот здесь, Саша остановилась, почему-то, замешкалась, топчась на месте, подошла к стене, вероятно, трогала светящийся мох, а затем, без колебаний, двинулась дальше, увлекаемая вперед неизвестной силой. Светящийся мох, больше похожий на серебристый мех, заинтересовал и Каролину, но подходить к стене, а тем более, касаться руками непонятного источника загадочного сияния, девушка не спешила – упаси Бог! Вдруг эта штука, живая? Токсичная или, просто голодная? Отхватит полруки вместе с фонариком? В маминых любимых ужастиках Каролина не раз наблюдала нечто подобное. Кто ж знал, что диво-дивное, мохнатое и светящееся само по себе, обитает в захламленном подвале, так близко от обжитых людьми мест. Интересно, а почему это всяческая ученая братия, типа Лары Крофт еще не шерстит эти подвалы? Не щупает светящийся мох? Может быть ей, Каролине, как первооткрывательнице, дать этому непонятному явлению свое имя? Обозвать его как-то по – научному, с непременным упоминанием любимой себя? Например – *Karolinus vulgaris*?

Каролина пожалела о том, что не взяла с собой фотоаппарат – было бы чудесно запечатлеть бесценное мохнатое растение и предъявить его общественности. Папу порадовать, маму напугать... Девушка нервно хихикнула – пока пугалась она одна, путешествуя по пыльным подвальному коридорам.

Споткнувшись о черенок ржавой лопаты, будущая Лара Крофт замерла на месте – ей показалось, что, кто-то невидимый и неосязаемый, крадется следом. Поджав ногу, девушка застыла, напряженно прислушиваясь – тишина... Слышалось лишь ее тяжелое дыхание, да испуганный грохот сердца, норовящего выпрыгнуть из груди.

– Триллер какой-то. – недовольно буркнула девушка, мечтая задать загадочной подружке хорошую трепку и тоскуя об утраченном телефоне – Вот же, блин... Попала!

Звук собственного голоса, как ни странно, усыпил ее страхи, а холодящая тяжесть серебряного креста, приятно успокаивала. Какая бы, чертовщина не творилась в данном местечке, девушка чувствовала себя защищенной – по уверению матери, крест был освещен в самом настоящем храме, и божья благодать коснулась его.

– Нечистой силы можно не страшиться – решила Каролина – а вот, всякой прочей нечисти, человеческой, опасаться все же, стоило. Бомжи и прочие бродяги могли доставить столько неприятностей, что любой киношный вампир бледнел перед ними и казался хулиганом из младшего класса начальной школы.

Каролина слегка устала и почти перестала бояться. Конечно, ей, по- прежнему, мечталось о мягком, уютном кресле и чашке кофе, но уже без фанатизма. Теперь, она решила, что когда отыщет Сашу, то не станет убивать ту на месте, а просто отвесит пару хороших оплеух, для порядка. Раньше мысль о физическом насилии над кем-то живым, тем более, над старшей подругой, Каролину никогда не посещала. Она, вообще, презирала людей, особенно мужчин, способных поднять руку на слабого, но Александре, по всей видимости, словесного выговора, могло быть недостаточно. Только лишь она подумала об оплеухах, как до ее ушей донесся

весьма странный звук – вначале, Каролине показалось, что что-то упало и теперь ползет где-то вдалеке, а затем она расслышала слабый писк, похожий на мяуканье. Девушка замерла, как вкопанная, боясь, даже пошевелиться, дабы ненароком не выдать своего присутствия в сыром, светящемся подземелье. Прежние страхи вернулись, усилившись, мутировав в ужас и панику. Каролину затрясло и она, качнувшись, вынужденно оперлась о светящуюся стену. Стена вздохнула, точно живая и девушка, зажимая ладонью рот, отскочила в сторону. Писк повторился, только, гораздо тише и больше напоминал стон смертельно раненого животного, находящегося в состоянии агонии.

«Это Саша – поняла девушка – Ей под ноги бросилась крыса и она запинала ее до смерти».

Каролина знала о том, что подруга ненавидит и боится всего прыгающего, ползающего и шустро бегающего. К этому списку следовало прибавить – гавкающее и пищашее. При виде паука, Саша бледнела, ящерица могла ее серьезно испугать, а, уж, змея или крыса!!! Удивляло ее лишь отсутствие звукового сигнала – пронзительного визга, но, возможно, Саша, как и Каролина, боялась шуметь в этом странном подвале? Как известно, если гора не идет к Магомеду, то Магомеду следует подсуетиться и топтать к той самой горе. Магомедом в этом подвале оказалась Каролина, а вот бестолковой горой...

Звук больше не повторялся, и уставшая стоять неподвижно, Каролина двинулась вперед, шаг за шагом, очень медленно приближаясь к очередному повороту. Коридор стал шире, по крайней мере, раза в три и стены его больше не могли поддержать девушку в случае падения. Поэтому, не надеясь на крепость ног, Каролина все шла и шла, почти ползла, минут пять, до самого поворота. Впустив в легкие воздух и, поднабравшись смелости, Каролина сделала последний шаг и завернула за угол.

**

Михайличенко очнулся ровно через сутки. Пробуждение оказалось малоприятным. Помните фильм «Убить Билла»? Примерно, тоже самое, только не оказалось ни гроба, ни невесты, а сплошной слой бедной горной земли и тяжелые булыжники, беспорядочно наваленные на грудь.

Петр раскрыл глаза и понял, что дышать больше не нужно. Несколько долгих мгновений он просто лежал, лежал и не шевелился, не шевелился и не дышал, не дышал, но размышлял. Размышлять ему приходилось с большим трудом – мысли копошились в голове медленно, точно толстые могильные черви, но копошились, а еще... Еще, очень хотелось пить. От невыносимой жажды пересохло в горле, желудок скрутило от боли, терпеть которую долгое время не представлялось возможным.

Перед глазами возникали целые реки, моря, океаны жидкости, густой, сладко-соленой жидкости, красного цвета. Когда боль, овладевшая всем его существом, сделалась едкой и жгучей, точно кислота, Петр не выдержал и, завывая подобно дикому псу, сплевывая песок и камень, медленно пополз вверх, обламывая ногти и работая руками, словно совковой лопатой. Мысли его почти спали, но он понимал, что творится что-то неправильное, нелепое, дикое. Он, сержант самой лучшей в мире, армии, Петр Михайличенко, мертв, должен быть мертв, окончательно и бесповоротно. Его загрызла та странная тварь, бросившаяся на него в горном мерзком храме. Она выскочила из-за угла, сильная, точно ломовая лошадь и впилась в его горло зубами-кинжалами, высасывая кровь из артерии и отнимая жизнь. Тварь разорвала ему глотку и выдавила глаза, сминая череп, точно детскую игрушку из папье-маше. Но теперь, он чувствовал это, у него были глаза, да и череп, по ощущениям, находился в целостности и сохранности, равно как и волосы на голове. Он должен лежать мертвым, холодным и неподвижным, а душа, оторвавшись от ставшего ненужным тела, находится на полпути в рай или в ад, в существовании которых Петр не верил, как и полагается комсомольцу, куколке коммуниста, но вместо этого он мыслит, полз, боролся за жизнь и..

Пить, еще он хотел пить.

Камни и земля, отброшенные в сторону сильным, уверенным движением огромных рук, раскрыли могилу, и Михайличенко выполз из черной, смрадной ямы. . . Смердела чья-то голова и чье-то тело, захороненное с ним в одной могиле, но Петр равнодушно отпихнул в сторону бранные останки человека, бывшего когда-то солдатом его отряда и, с трудом разогнув затекшую спину, встал, вначале на четвереньки, а затем и на ноги, как и подобает человеку. Только он больше не чувствовал себя человеком. Не существует подобных человеков, просто таких не бывает в природе. Он – нечто иное, более совершенное, страшное и опасное. Такие, как он, не ходят по земле белым днем, не подставляют лицо благодатным солнечным лучам, не любуются полуденным небом. Такие, как он, Твари, живут ночью. Ночью они выползают из своих убежищ, покидают темные, смрадные норы, подвалы и трещины в земле, выходят под бледным светом луны и долго любуются им, своим мертвым солнцем. А затем, ведомые древним, страшным инстинктом, они уходят далеко от своего логова, на поиски. На охоту. Они хотят пить и жрать. Голод и жажда их – невыносимы!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.